

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

ЛЕНИН

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ ВСЁ

Вячеслав Никонов

**Ленин. Человек,
который изменил всё**

«ЭКСМО»

2020

УДК 94(47+57):929
ББК 63.3(2)6-8

Никонов В. А.

Ленин. Человек, который изменил всё / В. А. Никонов —
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110714-7

Вячеслав Никонов - видный российский политик, политолог, доктор исторических наук, председатель комитета Государственной Думы по образованию и науке, декан факультета государственного управления Московского государственного университета, председатель правления фонда «Русский мир». 22 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА - 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА. По воздействию на судьбы нашей страны и мира Ленину нет равных. В его планах было переустройство жизни человечества, и во многом ему это удалось. Образованная им партия три четверти века правила в СССР. В некоторых странах компартии до сих пор у власти. В книге – без гнева и пристрастия, - исключительно на документах и воспоминаниях, показан жизненный путь вождя с упором на годы пребывания у руля государства. Не обойдены таинственные и спорные страницы жизни – немецкие деньги, отношения с Арманд, участие в организации террора, отношения со Сталиным и Троцким, секреты «Завещания» и другое.

УДК 94(47+57):929

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-04-110714-7

© Никонов В. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Брыкалка	9
Слишком далеки они от народа	16
Марксист	28
Декабрист 2.0	35
Из «Искры»...	51
Глава 2	57
Будет такая партия	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вячеслав Никонов

Ленин. Человек, который изменил все

Вячеслав Никонов – видный российский политик, политолог, доктор исторических наук, председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, декан факультета государственного управления Московского государственного университета, председатель правления фонда «Русский мир».

22 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА – 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА.

По воздействию на судьбы нашей страны и мира Ленину нет равных. В его планах было переустройство жизни человечества, и во многом ему это удалось. Образованная им партия три четверти века правила в СССР. В некоторых странах компартии до сих пор у власти.

В книге без гнева и пристрастия, исключительно на документах и воспоминаниях показан жизненный путь вождя с упором на годы пребывания у руля государства. Не обойдены таинственные и спорные страницы жизни: немецкие деньги, отношения с Арманд, участие в организации террора, отношения со Сталиным и Троцким, секреты «Завещания» и другое.

© Никонов В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

Время – начинаю про Ленина рассказ.

Почему Ленин?

Потому что Ленин – уникален. «Владимир Ильич был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это»¹, – справедливо замечал Алексей Максимович Горький. В этом смысле Ленин – самый крутой из всех людей, когда-либо живших в России. А может, и не только в России. По своему взрывному воздействию на судьбы нашей страны и мира ему нет равных.

Он собрался переустроить жизнь всего человечества. Трудно назвать человека, кто ставил бы сопоставимые по масштабам задачи. И во многом ему это удалось. Образованная им Коммунистическая партия три четверти века правила в СССР и продолжает заседать в Государственной думе.

Он создал первое в мире государство, назвавшее себя социалистическим. Насколько оно действительно было социалистическим, коротко сказать не берусь, но то, что это было государство нового типа, альтернативное всему тому, что существовало на Земле раньше, – это бесспорно. Он был демиургом новой общественной модели – диктатуры пролетариата и подчиненной государству экономики – без собственности и религии.

Ленин создал мировое коммунистическое движение, являвшееся важнейшей политической силой на планете в XX веке, которое породило множество партий, правивших, а также продолжающих править и сейчас – в Китае, Вьетнаме, КНДР, на Кубе.

Это единственный в истории россиянин, чье тело после смерти было не похоронено, а забальзамировано и выставлено на обозрение в специальном Мавзолее, стоящем на главной площади столицы. Оно и сейчас там.

Каждый, особенно в старшем поколении, проникнут ленинскими фразами, тестами, образами. Для этого не надо было обязательно, как мне, внимательно штудировать труды Ленина по курсам множества университетских дисциплин. Рассказы о его отношении к детям, о его любви к зверушкам и бедным людям были известны дошколятам ничуть не хуже, чем сказки про Колобка и Курочку Рябу. На октябрьском значке – барельефный облик юного вождя. С повязанным на шею пионерским галстуком каждый вступал в ряды ленинской пионерской организации. Затем если не всех, то очень-очень многих впереди ждал ленинский комсомол. А меньшинство получало членский билет партии Ленина с его ликом на обложке.

У меня не было проблем с эпиграфами к главам этой книги. Я их взял из головы, все они принадлежат Владимиру Владимировичу Маяковскому. Когда я учился в десятом классе, учитель технического перевода Николай Дмитриевич Чебурашкин – ветеран войны и большой затейник – придумал поставить поэтический спектакль по поэмам Маяковского «Ленин» и «Октябрь». Выучили поэмы наизусть. Очень скоро мне это сильно помогло, потому что на вступительном экзамене на истфак МГУ темой сочинения оказалось: «Маяковский – поэт-летописец эпохи». Две поэмы покрывали тему почти полностью, оставалось разве что добавить стихотворение о советском паспорте. Из всех поступивших в тот год на факультет (а конкурс был 25 человек на место) я оказался единственным, кто написал сочинение на пятерку. А строки из «Ленина» и «Октября» в память впились навсегда. Они и перед введением, и перед каждой главой, и перед заключением этой книги.

Ленин – самый публиковавшийся автор в истории человечества, с которым могут конкурировать разве апостолы-евангелисты и пророк Магомед. На 1 января 1990 года труды Ленина были изданы только в СССР общим тиражом более 653 млн экземпляров на 125 языках. Самая

издаваемая речь – «Задачи союзов молодежи» – выходила 660 раз тиражами в 50 млн экземпляров на 96 языках².

Мы постоянно повторяем ленинские афоризмы, даже не задумываясь, кому они принадлежат. «Есть компромиссы и компромиссы». «Политика – это не тротуар Невского проспекта». «Учиться, учиться и учиться!». «Какая глыба, а? Какой матерый человечище!» Это Ленин о Льве Толстом (по словам Горького). Ему приписывают крылатые выражения, которые ему не принадлежат. Например, что «кухарка может управлять государством». Ленин говорил, что кухарка не может управлять государством, но сможет, если ее этому научить.

В каждом большом и небольшом городе России найдется проспект, сквер, площадь или улица Ленина, даже после того, как в некоторых местах в 1990-е годы их переименовали. Нет другого имени, столь часто мелькающего на табличках с названиями улиц. По данным «Яндекс-карты», в Российской Федерации в 2020 году есть 5167 улиц Ленина общей длиной 8631,5 км. Ближайшие конкуренты сильно отстают: улиц Гагарина насчитывается 2998, Пушкина – 2573 и Горького – 2062. Стоит заметить, что есть два названия улиц, которые используются немного чаще в современной России, чем имя Ленина. Но это улицы Советская и Октябрьская, то есть, по сути, тоже Ленина. А ведь есть еще 224 улицы Ульянова...

По количеству памятников, стоящих в России (и не только) и снесенных на Украине, Ленин тоже вне конкуренции. В нашей стране сохраняется около 6 тысяч монументов, на Украине в период «ленинопада» после 2014 года было сокрушено более 2 тысяч. Но даже на территории бывшей УССР остается около 350 памятников Ильичу (главным образом в ДНР и ЛНР), до 400 стоит в Белоруссии, больше 150 – в Казахстане. И так далее.

«Ленин – категория метафизическая... По влиянию на судьбы России Ленина можно поставить в один ряд лишь с Петром. Что же касается воздействия на мировые события XX века, то тут Ленину не найти ни русских, ни иноземных соперников»³, – замечает академик РАН Юрий Пивоваров.

Гениальный в своем фанатизме и предельно циничный политик, неплохой публицист и оратор. Человек, чуждый общечеловеческим ценностям и морали, ставивший идею коммунизма гораздо выше человеческого счастья и даже жизни. Лидер, жертвовавший национальными интересами во имя мировой революции, который разрушил и воссоздал российскую государственность, надолго изолировав страну от мира. Творец концепции тотальной войны, позволившей победить в Гражданскую.

Результаты его правления имели трагические последствия для нашей страны, ее экономики и общества.

И именно Ленин стал источником вдохновения и примером для подражания для сотен миллионов во всем мире. За него шли на смерть, свергали правительства, давили друг друга, только чтобы хоть одним глазом взглянуть на него. Ленин сыграл множество символических ролей: пророка, героя, учителя, образца, первоисточника власти. Именно в нем черпали свою легитимность все последующие советские лидеры. Он был предметом поклонения и символом ненависти для сотен миллионов человек.

Александр Николаевич Потресов – юношеский приятель Ленина (были ли у Ленина вообще друзья – отдельный вопрос), заработавший туберкулез в застенках ЧК, – вырвавшись в Париж, в 1927 году писал о Великой французской революции: «И до сих пор еще, на расстоянии почти полутора века, читая несчетные исследования, ей посвященные, чувствуешь в исследователе то прокурора, то адвоката... И до сих пор еще всякого рода общественные симпатии и антипатии мешают взглянуть на кровавую драму конца XVIII века глазами нелицеприятного ученого»⁴.

Полтора века отделяют нас от появления на свет Ленина. И несчетные писания все еще распадаются на адвокатские и прокурорские. Как правило, Ленин – либо величайший гений,

вождь мирового пролетариата и самый человечный человек. Либо – величайший преступник, обрекший Россию на неисчислимые страдания, и жрец террора.

Полагаю, сейчас настало то время, когда уже можно отнести к Ленину иначе, поместив его в категорию «историческая фигура», а содеянное им – в «историю».

Эта книга просто про Ленина.

Особая благодарность за помощь в работе над книгой Светлане Алексеевне Трубниковой, Марине Евгеньевне Веселовской и Галине Викторовне Цапалиной.

Глава 1 Ульянов

*Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса.*

Брыкаска

Интернационализм был у Ленина в крови. Буквально. Поволжье испокон веку было местом смешения народов, и восточные черты, столь отчетливо проявившиеся в его широко-скулом лице, пришли, похоже, по отцовской, русской линии.

Дед по этой линии – Николай Васильевич Ульянин – сын крепостного крестьянина из Нижегородской губернии – не желал мириться ни со своим статусом, ни даже со своей фамилией. Он вышел из крепостного состояния через выкуп или был отпущен на оброк (науке точно не известно) и в 1799 году в Астрахани перешел в категорию государственных крестьян, а в 1808 году – в мещанское сословие и занялся портняжным бизнесом. Сменив фамилию сначала на Ульянинова, а затем и Ульянова, он женился на дочери астраханского мещанина – Анне Алексеевне Смирновой (по версии Мариэтты Шагинян и Дмитрия Волкогонова – из семьи крещеных калмыков), которая была моложе мужа на 18 лет. Сын Илья – отец Ленина – появился на свет в 1831 году, когда Николаю Васильевичу было уже шестьдесят.

Илья Николаевич семи лет лишился отца, и его воспитанием занимался энергичный старший брат Василий, постаравшийся дать младшим хорошее образование. Илья закончил с серебряной медалью гимназию в Астрахани. А затем отправился в Казань, где учился на физико-математическом факультете университета, из которого Ленина исключат. Получив звание кандидата физико-математических наук, Ульянов мог остаться на кафедре, что предлагал ему сам великий Лобачевский, но предпочел карьеру хоть и педагогическую, но не университетскую. Он стал преподавать математику в старших классах Дворянского института в Пензе, в 1860 году был удостоен чина титулярного советника.

В Пензе Илья Николаевич познакомился с молоденькой Марией Александровной Бланк – матерью Ленина, – приехавшей в гости к сестре. В 1863 году состоялась помолвка. И тогда же Мария Бланк с поддержкой возлюбленного, который стал ее репетитором, экстерном сдала экзамены в Самаре и получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого, французского языка».

Мария Александровна имела более чем интернациональное происхождение. Ее отец – дед Ленина по материнской линии – Сруль (Израиль) Бланк был выходцем из принявшей христианство зажиточной еврейской семьи, которая обитала сначала в Житомирской губернии, но затем переехала в Петербург. Там Израиль по крещению стал Александром Дмитриевичем – в честь своего восприемника графа Александра Апраксина. Закончив столичную Медико-хирургическую академию, дед Ленина работал уездным врачом в Смоленской губернии, а затем штаб-лекарем в Петербурге. Проведя много времени на европейских курортах, в частности в Карлсбаде, он стал одним из основоположников отечественной бальнеологии – лечения минеральными водами.

В Санкт-Петербурге Бланк сделал предложение Анне Ивановне Грошопф, чей отец был прибалтийским немцем, служившим в Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел; а мать (в девичестве носившая фамилию Эстедт) происходила из купеческой семьи шведских лютеран. Их дочь Мария родилась в 1835 году.

Анна Ивановна умерла, когда девочке было шесть лет, и Александр Дмитриевич сошелся с ее тоже овдовевшей сестрой Екатериной. Семейство переехало в Пермь, где дед Ленина стал инспектором Пермской врачебной управы, а закончил свою карьеру инспектором Златоустовских госпиталей в чине надворного советника (подполковник в армейских чинах). В 1859 году Александр Бланк и его потомки были утверждены в потомственном дворянстве⁵.

Уйдя в отставку, он – с Екатериной Ивановной – купил в Казанской губернии за 9,6 тысячи рублей серебром, частично в ипотеку, имение Кокушкино в 49 верстах от Казани с 500 гектарами земли. Туда семья и перебралась. Ко времени отмены крепостного права в Кокушкино было 15 дворов, в которых проживал 41 крепостной мужского пола и 46 крепостных женского пола⁶.

И именно в Кокушкине 25 августа 1863 года отец и мать Ленина сочетались законным браком. После чего отбыли в Нижний Новгород, где молодой муж стал старшим учителем математики и физики в мужской гимназии. Учеником Ильи Николаевича окажется Дмитрий Владимирович Каракозов, первым в 1866 году покушавшийся на императора Александра II. И Николай Андреевич Ишутин, кузен Каракозова и руководитель воспитавшего его подпольного кружка. Тогда буря расследования попытки цареубийства обошла педагога стороной.

За четыре дня до выстрела Каракозова у Ульяновых родился первенец – Александр. Через год дочь – Анна.

В 1869 году в 34 губерниях Российской империи была учреждена новая должность – инспектор народных училищ. В Симбирской губернии эту должность получил Илья Николаевич Ульянов. Семья переехала в Симбирск. Ульянову-старшему определили жалованье в 73 рубля 50 копеек в месяц (рабочий получал 15–30 рублей, университетский профессор – 250 рублей). Своим жильем обзавелись не сразу: за первые девять лет жизни в Симбирске Ульяновы сменили шесть съемных квартир.

В одной из них – в съемном флигеле во дворе дома Прибыловской на Стрелецкой улице – 10 (22) апреля 1870 года появился на свет сын Владимир. Летом мама вывезла детей в Кокушкино, где крошечного Володю успел подержать на руках дед – Александр Дмитриевич Бланк – за несколько дней до смерти.

Имение после его кончины перешло пяти дочерям. В 1880-е годы доходы от имения составляли 2,7 тысячи рублей в год, чистая прибыль – 1000 рублей, что приносило Марии Александровне около 200 рублей ежегодно.

В 1871 году у Ульяновых родилась дочь Ольга, в следующем году – Николай, не проживший и месяца. В 1874 году, семья пополнилась сыном Дмитрием, в 1878 году дочерью Марией. Большая семья, с которой жили еще кухарка Настя и няня – солдатка из Пензенской губернии Варвара Григорьевна Сарбатова.

Отец Ленина – интеллигент в первом поколении, типичный разночинец – был убежденным «шестидесятником», сторонником либеральных реформ Александра II, видевший в них перспективу для развития страны и приложивший немало сил для развития земского просвещения. Илья Дмитриевич инспектировал и строил школы, раздобывал для них учебники и канцелярские принадлежности, подбирал учительский состав, проверял уровень преподавания, ведал делопроизводством, финансами, ведомственной перепиской.

Он был идеалистом. Дочь Мария расскажет: «Надо было колесить по губернии и в метели, и в осеннюю и весеннюю слякоть и распутицу, обследуя школы, распинаясь на мирских сходах крестьян, следя за постройкой новых училищ, настаивая на ассигновании средств на школы у

земств и т. п.»⁷. Всего за годы попечения Ильей Николаевичем народного образования в Симбирской губернии было открыто 250 школ, число обучающихся удвоилось, бюджет образовательной сферы вырос в 3,5 раза, зарплаты учителей – втрое.

В 1874 году новым Положением о народных училищах была введена должность директора народных училищ, которую и получил статский советник Ульянов. В конце 1877 года ему был присвоен чин действительного статского советника, что соответствовало в табели о рангах генеральскому званию и давало право на пожизненное дворянство. Зарплата директора народных училищ составлял 2,5 тысячи рублей в год (а вскоре и 3,5 тысячи). На следующий год семейство Ульяновых впервые обзавелось собственным деревянным домом «со строением и землей, состоящей в первой части города Симбирска, по Московской улице, в приходе Богоявления Господня».

Своей миссией Илья Николаевич искренне считал избавление людей от невежества и тьмы. Учил состраданию, готовности воспринять чужое горе как свое. Он привносил в семью культ просвещения, входивших в моду либеральных ценностей. Но отец был и искренне набожным человеком, водил детей в церковь. При этом рассказывал о звездах, тайнах Вселенной, читал наизусть Некрасова, пел народные песни и романсы. «Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их»⁸, – вспоминала Анна Ильинична.

Мать была опорой дома, прививавшей порядок и педантизм, учившей ценить время. «Это был недюжинный человек, очень одаренный, обладавший, кроме того, большим педагогическим тактом, большой силой воли и горячим мужественным сердцем, – не скрывала своих чувств к матери младшая сестра Мария, которую чаще называли Маняшей. – Не прибегая почти к строгости и наказаниям, не стесняя без нужды свободы детей, она имела на них огромное влияние, пользовалась их неограниченным уважением и любовью»⁹.

Мария Александровна израсходовала свои педагогические знания на детей, с которыми, как могла, занималась музыкой, чтением, письмом, иностранными языками. «Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее – работать под нее»¹⁰. Впрочем, она не имела специального музыкального образования, училась только дома, у тетки, а потому к сложным фортепианным произведениям не подступалась.

Володя, третий ребенок, вспоминала старшая сестра Анна, рос «очень шумным – большим крикуном, с бойкими, веселыми карими глазками. Ходить он начал почти одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его... И если сестренка его падала неслышно – “шлепалась”, по выражению няни, – и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом. Вероятно, голова его перевешивала. Все сбегались к нему, и мать боялась, что он сильно разобьет себе голову или будет дурачком»¹¹.

Но, научившись ходить, Володя стал быстро делать успехи. «Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем»¹². Главной подругой для игр была Ольга. А непререкаемым авторитетом и образцом для подражания – старший брат Александр. «Владимир Ильич обыкновенно все делал, “как Саша”, как он говорил»¹³, – припоминала Маняша. (Ох уж эти бесконечные «Владимиры Ильичи» в воспоминаниях о нем даже близких людей. Буду сокращать до «ВИ», тем более что часто Ленина так и называли.)

Александр Ульянов уже в восемь лет наизусть выучил «Размышления у парадного подъезда» Некрасова и оды Рылеева, полные осуждения тиранства. Затем увлекся естественной наукой, собирал гербарии, препарировал лягушек, подражая любимому литературному персо-

нажу – Базарову. Детским шалостям он предпочитал чтение книг по биологии и разглядывание в микроскоп различных насекомых. В 15 лет Александр соорудил у себя в комнате целую лабораторию – с пробирками, трубками и препаратами. Оттуда весь дом нередко заволакивало едким дымом. Тогда же, к неудовольствию родителей, он перестал ходить в церковь и выставил из своей комнаты иконы¹⁴. Анна писала, что «различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были, несмотря на безграничное уважение и подражание Саше со стороны Володи с ранних лет»¹⁵.

Для младшего брата Дмитрия брат Володя нередко выступал в образе «брыкаски». «Мы с Олей сидим на полу нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления “брыкаски”. Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть “брыкаска” – Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, “брыкаска” сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только с виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках...» Да уж...

Наиболее популярной в семье была игра в солдатики. «В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги старший брат Саша»¹⁶, – вспоминал Дмитрий. У каждого из детей была своя армия бумажной пехоты и кавалерии. Так, «у Саши были итальянские бойцы под командой свободолюбивого Гарибальди. У Ани и Оли – испанские стрелки. У Володи – армия североамериканская Авраама Линкольна из Гражданской войны в США демократического Севера с рабовладельческим Югом. Володя тогда очень увлекался идеей освобождения негров от рабства. Повесть Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” была у него и у Оли настольной книгой. Оба они зачитывались детским журналом “Детское чтение”, который выписывал отец... Прекрасный в то время журнал “Детское чтение” давал очень много материала о гражданской войне в Северной Америке»¹⁷. Ветер свободы для юного Ленина дул из-за океана.

При этом Америка вдохновляла Володю не только свободолюбивым пафосом Линкольна, но и романтикой индейцев. «Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то»¹⁸. Это была первая школа конспирации, которую проходили – и еще пройдут – все дети Ульяновых.

Едва научившись читать, Володя стал завсегдатаем Карамзинской библиотеки. Издавали еженедельный семейный журнал «Субботник», в котором крепкий и плотный Володя получил свой первый псевдоним – Кубышкин. Слово «субботник» через несколько десятилетий узнает вся страна.

Володю учили игре на фортепьяно. «В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки, – свидетельствовал Дмитрий. – Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль... Причиной... были рутинные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки»¹⁹.

Но детство проходило не только и не столько в стенах дома, сколько на улице. «На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены “гигантские шаги”, на которых мы все иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно было сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других... Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свягу, купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского... Зимой на Свяге устраивался общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься

на коньках. Иногда нас сопровождали сестры: Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом – дорожкой»²⁰.

Александра и Володю родители отпускали летом в многодневные лодочные путешествия по Волге. Целью было не любоваться красотами и не рыбалка, а поиск Александром разных водяных тварей для своих исследований. В Кокушкине вместе с местными пацанами ходили в ночное, бултыхались в реке.

В девять лет Володя поступил в Симбирскую гимназию, где старший брат уже был пятиклассником. Директором гимназии тогда же был назначен Федор Михайлович Керенский, отец будущего министра-председателя Временного правительства, который появится на свет там же, в Симбирске, в 1881 году. Ульяновы и Керенские дружили семьями, ходили друг к другу в гости.

Были ли в те годы знакомы два будущих руководителя России – юный Володя Ульянов и еще более юный Саша Керенский? Да, были. Керенский-младший штурмовал впервые лестницу дома Ульяновых, когда ему было три года. А в пять лет он заболел, и Володя Ульянов навещал его после школы, читал свою любимую «Хижину дяди Тома», стихи Пушкина и Лермонтова и рассказы об индейцах. И в будущем – до поры – Александр Керенский называл Ленина «учителем и старшим другом»²¹.

Володя гимназию недолюбливал, у Ленина можно найти множество самых нелестных отзывов о старой образовательной системе Российской империи. Любимых учителей не было. Сестра Мария передавала с его слов, «что состав учителей был плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава. Благодаря этому особого уважения к себе учителя не могли внушить»²². Это не помешало Володе Ульянову на протяжении всех лет учебы быть первым учеником и получить хорошее по любым тогдашним меркам образование. Уже в гимназии Владимир неплохо овладел пером, чему немало способствовала линия Керенского-отца на развитие у учеников навыков сочинительства.

«Отец сидит за работой в своем кабинете, – вспоминал Дмитрий Ильич. – Наверху, в антресолях, каждый у себя в комнатах, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу, в столовой, за большим столом сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается»²³.

Серьезным увлечением братьев Ульяновых стали шахматы. «Пятнадцати лет ВИ стал обыгрывать отца, – рассказывал Дмитрий. – ...Летом 1886 года ВИ много сражался в шахматы со старшим братом Александром»²⁴. Об исходе их шахматных баталий история умалчивает. Ленин расскажет супруге:

«Сначала отец нас обыгрывал, потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз – мы наверху жили – встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел»²⁵.

В школе у Ленина с товарищами по классу были ровные и холодные отношения. Но у него не было друзей. Вторым учеником в классе был Александр Наумов, которого император Николай II в разгар Первой мировой войны назначит министром земледелия. Он хорошо запомнил юного Ульянова: «Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные, я бы сказал, некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот с желтыми, редко расставленными зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного выющимися

волосами. Но все указанные выше неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька...

Он ни в младших, ни тем более старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи беспрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственное, что он признавал и любил как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью... Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей...

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден, он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтобы когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным... В общем, в классе он пользовался среди всех своих товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал»²⁶.

Молодой Ленин был, похоже, достаточно равнодушен к женскому полу. Николай Владиславович Валентинов (Вольский), знавший Ленина по совместной революционной деятельности, приводит фразу, произнесенную им в 1904 году в Женеве: «Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты»²⁷. Сестры приложили немало сил, чтобы познакомить лучшего ученика со своими подружками, но это не выливалось для Володи в серьезные увлечения. А с малознакомыми девочками он проявлял очевидную стеснительность.

Илья Николаевич, будучи либеральным земцем (Мария Ильинична так характеризовала политические взгляды отца: «либерал или мирного направления народник»²⁸), никак не сочувствовал революционерам, а тем более террористам. Когда народовольцы взорвали Александра II, он надел парадный мундир и направился на панихиду в кафедральный собор. Дети понимали, что нужно поддерживать верноподданническое реноме отца, без чего он быстро бы остался без работы, а семья – без средств к существованию. И Илья Николаевич не забывал об этом в деликатной форме напоминать своим многочисленным отпрыскам.

Анну Ильиничну позднее возмущали появлявшиеся в советской литературе сведения, будто «Илья Николаевич часто дебатировал на революционные темы, что тон задавал Александр, а Владимир часто удачно принимал участие в спорах. ВИ было всего 15 лет в последнее лето жизни Ильи Николаевича и пребывания на каникулах старшего брата, как он мог принимать, да еще удачно, участие в таких спорах? Да и вообще они в нашем доме не велись»²⁹.

Ульяновы не принимали видимого участия в нелегальных оппозиционных кружках, которые и в Симбирске, и в самой гимназии уже активно распространяли подрывные взгляды и литературу. Но, конечно, Володя Ульянов был в курсе этой деятельности, и ему доводилось читать то, что считалось непопозволенным. И он рано подался в атеисты. Глебу Максимилиановичу Кржижановскому он расскажет, что «уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор»³⁰. По собственноручной записи в анкете Всероссийской переписи коммунистов 1922 года, его разрыв с религией произошёл в 16 лет³¹.

В 1883 году, после окончания гимназии с золотой медалью Александр Ульянов отправился в Петербургский университет – на естественно-научное отделение физико-математического факультета. За ним последовала и Анна, поступившая на филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов.

Первого января 1886 года Илья Николаевич был удостоен своего пятого ордена – Святого Станислава 1-й степени с муаровой лентой через плечо. И получил известие от министра просвещения Делянова, что срок его службы истечет через год, а не через пять, как надеялся Ульянов-старший. Тому стало плохо. Доктора диагностировали «гастрическое состояние желудка». А 12 января на руках супруги и детей – Анны и Володи – Илья Николаевич умер от инсульта³². Ему шел 55-й год. Ровно столько же времени будет отмерено Ленину.

Уже после смерти Ильи Николаевича вдова оформила в дворянское сословие себя и своих детей. Семье была назначена пенсия в 1,2 тысячи рублей в год, из которых одна половина полагалась вдове, а другая – несовершеннолетним детям в равных долях.

Володя тяжело пережил смерть отца. И почему-то (наверное, переходный возраст) стал хуже относиться к матери. Сестру Анну выводило из себя, что «его насмешливость, дерзость, заносчивость проявлялись по отношению к матери, которой он стал отвечать порой так дерзко, как никогда не позволял себе при отце». За грубость в отношении матери Володе доставалось и от Александра³³.

В последнее лето, проведенное братьями вместе, Александр в Кокушкино читал Карла Маркса. Владимира этот автор тогда не заинтересовал. Он был увлечен любовной прозой Тургенева.

Александр вернулся в столицу. Казалось, он весь в учебе: занимался по 16 часов в сутки, мало спал, плохо ел, промозглой питерской зимой заболел еще и тифом. Бог в тот раз миловал. В университете ходил в биологический, экономический и литературный кружки. Он – гордость Петербургского университета, как сказал ректор Андреевский, вручая ему золотую медаль за победу в конкурсе научных работ за «Исследование строения сегментарных органов пресноводных». От лягушек и пиявок Александр перешел к червям, изучая их органы зрения для магистерской диссертации. Сам Менделеев прочил ему профессорскую кафедру в двадцать пять лет.

Но к земноводным и членистоногим теперь добавился не только Маркс, но и Энгельс, и Плеханов. Душа Александра кипела от окружавшей несправедливости. Подумать только: закрыли журнал «Отечественные записки», редактором которого был любимый Салтыков-Щедрин; полиция разогнала демонстрацию памяти Добролюбова!

В декабре 1886 года Александр Ульянов и его единомышленник Петр Шевырев решили восстановить разгромленную спецслужбами «Народную волю», создав ее «Террористическую фракцию». Кроме них, в организацию вошло еще с десятков сокурсников. Ульянов сочинил программу, где ближайшей задачей объявлялось цареубийство, а конечной – утверждение социалистического строя. Для приобретения динамита Александр продал заслуженную в Симбирске золотую медаль³⁴.

Приближалась встреча Ульяновых с Историей.

В начале марта 1887 года они прочли правительственное сообщение: «1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны три студента Санкт-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотру их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином»³⁵. В Симбирске еще не знали, что текст сообщения утвердил сам император Александр III. А лидером упомянутого тайного преступного сообщества был Александр Ильич Ульянов.

Слишком далеки они от народа

Один из самых выдающихся ответов, которые мне доводилось слышать за много лет преподавания в МГУ имени М. В. Ломоносова, прозвучал на безобидный вопрос о том, когда состоялось восстание декабристов:

- Ночью.
- Почему ночью?!
- Так ведь они разбудили Герцена!

Действительно, когда же еще можно было разбудить юного Александра Ивановича Герцена, как не ночью. А каждый школьник в СССР знал статью «Памяти Герцена», где Ленин обозначил своих предшественников по революционному ниспровержению Российского государства. «Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»³⁶.

Ленинизм, да и все революционные традиции в России родились из чернильницы. Они вышли из-под пера русских литераторов и нескольких западных философов.

Интеллектуальный слой в России появился довольно поздно и страдал множеством детских болезней. Образованная и остальная Россия не понимали друг друга, часто разговаривая – буквально – на разных языках – и редко даже пытались понять. Кроме того, в России интеллектуальный класс был антибуржуазен. «Трагедия России в том, что Петр, способствуя зарождению интеллигенции западного типа, не смог укрепить ее с развитием буржуазии западного типа, – пишет известный британский историк Ричард Саква. – Это умерило бы радикализм и утопизм изолированной русской интеллигенции»³⁷.

Возникшая в XVIII веке в России философия была вторичной: появилась как реакция на европейскую мысль – от нее отталкивалась, в ней искала источники вдохновения, с ней спорила, ей подражала, ее опровергала или развивала. При этом философские теории поначалу просто заглазывались русскими неопитами и воспринимались как истина в последней инстанции. Российская мысль была социальной, ориентированной на практические интересы развития страны, морализирующей и теснейшим образом связанной с самыми разнообразными политическими течениями. К концу XIX – началу XX века Россия не будет знать себе равных в мире по идейно-политическому плюрализму.

В Западной Европе либеральная философская и общественно-политическая мысль предшествовала в своем развитии консервативной. Основоположник либерализма Джон Локк жил в XVII веке. Консерватизм возник как реакция испуганных интеллектуалов на Великую французскую революцию, и его основоположник – Эдмунд Берк – жил в XVIII веке. В России оба течения возникли практически одновременно – под влиянием все той же Французской революции. Родоначальником российского консерватизма я склонен считать великого историка и писателя Николая Михайловича Карамзина, который емко и исчерпывающе суммировал суть своей концепции в следующих словах: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием»³⁸.

Основоположником российского либерализма, а одновременно и типом первого русского интеллигента был, пожалуй, Александр Николаевич Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Он был воспитан на идеях французского Просвещения, выдвигая на первый план сострадательность и человеколюбие. Его слова – «душа моя страданиями человеческими уязвлена была» – стали, по сути, матрицей сознания русской интеллигенции. Зародившийся либерализм оказался изначально в оппозиции государственной власти и затем никогда отсюда не уходил.

Увлечение идеями Французской революции, несбывшиеся мечты о либеральных реформах в правление Александра I, зарубежный поход русской армии породили декабристов, принявших неудавшуюся попытку дворцового переворота или революции 14 декабря 1825 года. Московский генерал-губернатор Ростопчин недоумевал: «У нас все наизнанку – во Франции *la roture*¹ хотела подняться до дворянства – ну, оно и понятно; у нас дворяне хотят сделаться чернью – ну, чепуха». Дворяне во все времена будут в рядах видных революционеров, дворянами были и Керенский, и Ленин. Они победят, и дворянство действительно превратится в чернь. Казнь пятерых декабристов, которых восприняли как мучеников и «первенцев русской свободы» (в иных странах за попытки госпереворотов казнили сотнями, если не тысячами), и преследование еще шести сотен человек отзывались бурей возмущения во множестве сердец. Герцен действительно вспоминал: «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души».

Деление на либералов и консерваторов усложнилось в 1830–1840-х годы делением на западников (у истоков – Петр Яковлевич Чаадаев), которые надолго стали одним из наиболее влиятельных подвидов либералов; и славянофилов (основоположник – Алексей Степанович Хомяков), ставших заметной, хотя и не преобладающей интеллектуальной силой в консервативной среде, которая существовала в различных облициях. Не были однозначными славянофилами те, кого я бы назвал интеллектуальными консерваторами, наиболее видные представители которых – Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Тютчев, Федор Достоевский. Всегда существовало и консервативно-охранительное течение мысли, связанное с политической деятельностью всех последних российских императоров, которое также ассоциируется с такими крупными общественно-политическими фигурами, как Уваров, Катков, Победоносцев.

Западники призывали к солидарности с Западом в борьбе с традиционными основами русского бытия, критиковали российские порядки, возмущались крепостничеством, самодержавием, самовластием чиновников, экономической отсталостью, невежеством народа. Именно из либерального западничества, к которому была сделана прививка западных марксизма и анархизма, а также ряда доморощенных идей вырос российский социализм, принявший также множество облиций – от революционной демократии и утопического социализма до народничества, социал-демократии и русского анархизма.

Как и сейчас, в XIX веке на Западе охотно давали приют всем, кто объявлял себя борцом за свободу от российского антинародного режима. Первопроходцем революционной эмиграции, которая вскоре примет массовый характер, стал Герцен. Живя в Западной Европе со швейцарским паспортом и издавая «Колокол», он не принял ее порядки, предложив для России иной путь: свергнув царизм и крепостное право, народ должен утвердить строй на основе принципов крестьянской общины и сельхозартели. Именно отсюда истоки народнической социалистической идеологии.

Эти идеи в полной мере подхватил и развил идеолог крестьянской социалистической революции Николай Гаврилович Чернышевский. В его понимании, общинный строй, не знающий частной собственности и имущественного неравенства, станет основой новой социалистической России. За Чернышевским и его романом «Что делать?» со знаковым героем Рахметовым следовали все более радикальные люди, такие как лидер «Народной расправы» и автор «Катехизиса революционера» Сергей Нечаев, для которых высокая цель оправдывала любые средства, включая убийства. Нечаев был одним из кумиров юного Ульянова.

Наиболее крупным теоретиком русского (и не только) анархизма стал Михаил Бакунин, полагавший, что после неизбежной социальной революции необходимо организовать общество на основе свободной федерации крестьянских и рабочих ассоциаций. Идеи Бакунина

¹ Чернь (*фр.*).

подхватил камер-паж Александра II князь Петр Кропоткин. Анархистов отличало от прочих радикальных группировок отрицание любых форм государственности. Террор рассматривался ими как один из немногих доступных видов сопротивления, призванных разбудить мятежные инстинкты народа.

Радикальные идеи привлекали все большее внимание разночинной интеллектуальной публики, которая стала заметно расти и численно, и по своему влиянию с началом либеральных реформ императора Александра II, в царствование которого и появился на свет Ленин.

Этот царь-освободитель приступил к грандиозному социальному эксперименту – к революции сверху. Манифест об отмене крепостного права положил начало целой серии глубочайших преобразований. Среди них – суд с участием присяжных, который укреплял гражданский порядок. Выборные земства становились органами самоуправления, благодаря которым появились и земские врачи, и агрономы, и ветеринары, и школы, и статистические исследования. Создавалось городское общественное самоуправление с избирательными собраниями, думами, городскими управами. Началось становление гражданского общества и правового государства.

Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на 5 % в год. В деревне выделяется энергичный слой «кулаков», предпринимателей, скупщиков дворянской земли, основывающих торговые предприятия. Объем вывоза хлеба за границу возрастал с каждым годом, невзирая на частые неурожаи. Оживлению внешней торговли способствовало разрешение на свободный выезд за границу для всех российских подданных, заключение договоров о торговле и мореплавании с основными державами³⁹⁴⁰. От протекционизма Россия переходила к свободе торговли.

Но была, как везде, и другая сторона реформ. «Мобилизация дворянских земель, железнодорожное строительство вызвали горячку ажиотажа, создавали огромные богатства, нередко дутые и грюндерские предприятия. 60-е годы – первая волна русского капитализма, очень нездорового и хищнического. Банковские судебные процессы и сатира Некрасова отразили эту пиратскую эпоху “первоначального накопления”»⁴¹, – отмечал философ Георгий Федотов.

И одними из важнейших следствий преобразований стали заметное оживление общественной активности, рост интеллигенции и ее радикализация. В конце 1860-х годов Герцен чувствовал себя на обочине жизни, оттесняемый все новыми «штурманами будущей бури». Его революционную агитацию, замечал Ленин, «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями “Народной воли”». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»⁴².

Идеи Герцена, Огарева и Чернышевского вдохновили создателей тайного революционного общества – «Земля и воля», – поставившей в 1861 году целью подготовку крестьянской революции. Летом 1862 года власти арестовали лидеров и идеологов организации – Чернышевского, Серно-Соловьёвича и Писарева, и через пару лет она тихо самоликвидировалась.

В 1870-е годы, когда Ленин был еще маленьким, интеллигенция – по большей части студенты – предприняла «хождение в народ» (термин изобрел Бакунин), чтобы помочь ему обрести лучшую долю и избавиться от векового угнетения. Народники (заметим, на английский это слово переводится как «populists», «популисты») создавали первые инфраструктуры протестного движения – артели, школы, медпункты, где раздавали нелегальную литературу и листовки, учили революционным песням. «Хождение в народ» закончилось полным провалом. На интеллигентское подвижничество крестьяне смотрели как на господские забавы, видя в студентах барских сынков, несущих богопротивную ересь⁴³.

Фиаско заставило развернуться к классовому подходу, сформулированному в западной мысли – народ в интеллигентском сознании начал делиться на крестьян и рабочих. Преобладающая часть интеллигенции сочла передовым классом, который поведет страну в светлое будущее, крестьянство, класс наиболее многочисленный, близкий к земле и духовно чистый.

Меньшая часть увидела могильщика старого мира в пролетариате, следуя строго за учением Карла Маркса.

Второй состав «Земли и воли», возродивший ее в 1876 году, включал в себя таких лидеров, как Михайлов, Плеханов, Лизогуб. Заявив себя народнической организацией, она провозгласила идеал «анархизма и коллективизма»: передачу всей земли крестьянам в равных долях, введение общинного самоуправления и право наций на самоопределение. Средства – как пропагандистские, так и террористические. «Земля и воля» станет корнем последующих народнических организаций (в начале XX века из них будут иметь значение три группы – эсеры, энэсы и трудовики).

В 1879 году «Земля и воля» распалась. Меньшинство – сторонники мирных и экономических методов борьбы – создало «Черный передел» (Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Дейч, Стефанович, Буланов и др.), любители террора – «Народную волю» (Лавров, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер, Морозов, Тихомиров, Халтурин, Кибальчич и др.).

Народовольцы явились и первой на планете Земля организацией, которая стала добиваться политических целей путем осуществления терактов против правительственных чиновников и самого царя, став предтечей всех последующих террористических организаций. Причем террористы пользовались большим сочувствием в российском обществе, рассматривавшем их как защитников народных интересов. Убийцы становились настоящими идолами для передовой интеллигенции. Литература, благодаря талантливым или просто модным писателям, таким как Некрасов, Тургенев, Войнич, Степняк-Кравчинский, превратила радикализм и террор в культовое явление андеграунда, в нечто органичное интеллигенции.

Очень точно схватил современное ему использование понятия «интеллигенция» известный экономист и историк Михаил Иванович Туган-Барановский: «Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды»⁴⁴. Интеллигенция, плотью от плоти которой был Ленин, в чистом значении этого понятия навсегда останется в оппозиции власти. И всякий раз ее оппозиционность будет по экспоненте возрастать в условиях либерализации режима, когда власть активнейшим образом атаковали за недостаточность усилий по либерализации и/или их неискренность. Российская интеллигенция в 1860-е годы насчитывала около 20 тысяч человек, а к концу столетия – более 200 тысяч, составляя 0,2 % населения империи. Однако именно это меньшинство во многом определит характер политической жизни России.

Чем русский интеллигент отличался от интеллектуала в западном понимании? Интеллектуал искал пользу, предлагал продукт своего труда и пытался его капитализировать. Интеллигенция искала справедливости. Интеллектуал всегда был, в худшем случае, нейтрален по отношению к государству, пытаясь использовать его в своих целях. И в этом смысле нельзя не согласиться с Бердяевым и в том, что «русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистскими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности»⁴⁵.

Одним из выводов было признание российской цивилизации как несостоятельной. Во множестве трудов известных представителей русской интеллигенции конца XIX – начала XX века можно было прочесть, что в России нечего охранять, нечего беречь, она бесплодна. Все это придавало нашей интеллигенции черты не только антигосударственности, но и крайнего радикализма.

Откуда такие настроения? Может, от невыносимых жизненных условий, на которые интеллигенция неизменно жаловалась? Вряд ли. Она была слоем весьма тонким, достаточно привилегированным и необездоленным. Может, распространению антивластных настроений способствовала сама власть, не подпуская оппозиционных интеллигентов к административной деятельности, что превращало их в антисистемную силу? Да, и это было. Но настоящий интеллигент к этой деятельности не стремился, напротив, считал для себя зазорным служить ненавистному режиму.

Прогресс, демократия представлялись русской интеллигенции не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых мешает только одно – самодержавный строй. В основе этого лежало весьма специфическое представление о человеческой природе. Петр Бернгардович Струве утверждал: «Интеллигенция выросла во вражде к государству, от которого она была отчуждена, и в идеализации народа, который был вчерашним рабом, но которого, в силу политических и культурных условий и своего, и его развития, она не знала»⁴⁶.

Американский историк Ричард Пайпс не без оснований подчеркивает: «В начале XX века в России не было предпосылок, неумолимо толкавших страну к революции, если не считать наличия необычайного множества профессиональных и фанатичных революционеров... Группы этих “делателей” революции и представляет интеллигенция»⁴⁷. В этой мысли есть огромная доля истины.

Как в те дни становились революционерами, рассказывал мне мой дед, Вячеслав Михайлович Молотов. Он говорил, что к революционной деятельности его подтолкнуло в первую очередь чтение художественной литературы. Традиционные для российской интеллигенции трогательная забота о «маленьком человеке», размышления о никчемности жизни, задавленной нищетой и чиновничьим произволом, искания лучшей доли бередили сердце, заставляли его кипеть возмущением против существующих порядков, звали на баррикады.

Но еще большее значение для мировоззрения российской интеллигенции имела трансплантация на русскую почву заимствованных идей, за которые хватались с наивностью неофигов. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию. Кого-то заинтересовали британская или американская модели, и этот кто-то стал либералом. А кого-то уже влекла еще нигде не опробованная социалистическая мечта.

Марксизм долгое время не пускал в России глубоких корней потому, что революционеры, которых разбудил Герцен, не могли до 1870-х годов обнаружить в России того самого рабочего класса, который, по мысли Маркса и Энгельса, должен был выступить основной движущей силой будущих революций. После этого начали появляться и первые рабочие союзы. В 1875 году – «Южнорусский союз рабочих», просуществовавший 9 месяцев до разгона полиции. В 1878 году – «Северный союз русских рабочих» во главе со столяром Степаном Николаевичем Халтуриным и рабочим Виктором Павловичем Обнорским.

На похоронах Карла Маркса 17 марта 1883 года присутствовало всего одиннадцать человек.

«Его имя и труд переживут столетия», – предрек Фридрих Энгельс в речи у могилы на Хайгейтском кладбище⁴⁸.

Коммунизм как утопия существовал испокон веку, увенчанный трудами Сен-Симона и Фурье. После революций 1848 года в Западной Европе социалистическая мысль покидает сферу мирных утопий и ставит перед собой задачу организации пробуждающегося рабочего движения. Маркс и Энгельс публикуют «Коммунистический Манифест», ставший евангелием революционного социализма.

На Западе фигуры основоположников научного социализма и их идеи большого интереса не вызывали. Самый цитируемый современный историк и политолог Нил Фергюсон пишет: «Карл Маркс был отвратительным человеком. Неопрятный попрошайка и свирепый спорщик, Маркс хвастался, что его супруга – урожденная баронесса фон Вестфален. При этом, однако, экономка родила от него сына. Маркс лишь однажды пытался получить работу: он хотел устроиться клерком на железную дорогу, но ему отказали из-за ужасного почерка. Он начал играть на фондовом рынке, но безуспешно. Поэтому большую часть своей жизни Маркс

зависел от подачек Энгельса, для которого социализм был хобби наряду с лисьей охотой и распутством»⁴⁹. Знаменитый английский философ Бертран Рассел, в ряду других западных философов, отводил Марксу довольно скромное место выходца «из философских радикалов... который возродил материализм, дав ему новую интерпретацию и по-новому увязав его с человеческой историей»⁵⁰.

Марксистская концепция общественно-экономических формаций доказывала: человечество в своем развитии проходит определенные этапы, продиктованные уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, в которых основными отличительными признаками выступают отношения собственности и классовое деление. История – арена непримиримой борьбы классов. В эпоху капитализма – буржуазии и пролетариата. Но классовое деление не вечно. «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли, – полагал Энгельс. – С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором»⁵¹.

Отправит государство в музей пролетариат, которого эксплуатирует капитал и которому нечего терять, кроме своих цепей. Маркс в 1852 году писал Вейдемейеру о своих интеллектуальных достижениях: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано с определенными фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...»⁵² Установление диктатуры пролетариата возможно только в результате социалистической революции. Вообще революции – локомотивы истории, а насилие – не только зло, оно играет важнейшую революционную роль, выступая повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Конечная цель развития человеческого сообщества и политической борьбы – коммунизм, когда «сможет написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям”»⁵³.

В Европе и Америке у Маркса нашлись сторонники, создавшие Социалистический интернационал под лозунгом: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Но нигде марксизм не добьется такого ошеломительного успеха, как в России. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий...»⁵⁴ – утверждал Ленин.

Валентинов объяснял феномен успеха марксизма в России его социологическим и экономическим оптимизмом: «Развивающийся капитализм, разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. Свойственная молодости оптимистическая психология искала и в марксизме находила концепцию оптимизма. Нас привлекало в марксизме и другое: его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым... Запад нас манил»⁵⁵.

Наши соотечественники с Марксом встречались, и большой симпатии у них он не вызывал. Одним из основных идейных противников Маркса стал Бакунин. Герцену – читайте «Былое и думы» – Маркс так просто внушал антипатию. Литературный критик Петр Васильевич Анненков – ближайший друг Герцена – писал о Марксе: «Предо мной стояла олицетворенная фигура демократического диктатора...»⁵⁶ Чувства были взаимными. Маркс с Энгельсом видели в бакунинско-нечаевском «Катехизисе революционера» зачатки «казарменного коммунизма», который возможно устроить лишь полицейскими репрессиями.

Тем не менее Россия оказалась первой страной мира, где еще в 1872 году был издан перевод 1-го тома «Капитала». Причем его первый тираж – 3 тысячи экземпляров – в три раза превысил тираж первого гамбургского издания на языке оригинала⁵⁷. Маркс это успел оценить: «Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен»⁵⁸. В предисловии, специально написанном для русского издания «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 году, Маркс и Энгельс подчеркнули, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»⁵⁹. В Англии, где Маркс творил, при его жизни не вышло ни одного издания «Капитала», что Маркс считал симптомом «национальной близорукости»⁶⁰.

В год смерти Маркса в 1883 году, в Женеве образовалась первая российская марксистская социал-демократическая организация – группа «Освобождение труда», куда перекочевали лидеры «Черного передела». Отцами и матерью-основателями выступали Георгий Валентинович Плеханов, Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич и Лев Григорьевич Дейч. «Освобождению труда» принадлежали первые два проекта программы российской социал-демократии – 1884 и 1887 годов. На книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда в истории», как подтверждал Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов»⁶¹. Но до поры не марксисты задавали тогда тон в российском протестном движении.

В полдень 1 марта 1881 года император Александр II одобрил проект конституционной реформы, предложенной министром внутренних дел Лорис-Меликовым. Через несколько часов бомба террориста прервала жизнь царя-освободителя, которого народовольцы считали кровавым диктатором. У Александра III, за семьей которого борцы за свободу продолжали азартную охоту, не было пиетета перед убившей его отца и приветствовавшей цареубийство интеллигенцией, которая, в свою очередь, отрицала наличие у императора здравого смысла и понимания прогресса.

«Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным веяниям»⁶², – вспоминал великий князь Александр Михайлович. Проект Лорис-Меликова был положен под сукно. При этом за все годы правления Александра III за терроризм было казнено всего 17 человек, а за другие преступления смертной казни не предусматривалось вообще. При Александре III страна круто развернулась от фритредерства к протекционизму. В 1880-е годы начинается настоящий промышленный бум, который серьезно менял лицо страны. К концу XIX века заговорили о «русском экономическом чуде», страна решительно вошла в рыночную экономику. Народ богател, быстро рос количественно. Без России в Европе ни одна пушка не стреляла. Но это никак не останавливало революционеров, желавших народ осчастливить.

В день шестой годовщины убийства отца Александр III утром направился в Петропавловский собор, где отслужили панихиду. Он вернулся в Аничков дворец, когда со срочным донесением прибыл министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой. Накануне Санкт-Петербургское секретное отделение получило информацию о готовящемся покушении на императора и его семью и успело задержать студентов, у которых при обыске были обнаружены «метательные снаряды». Их показания позволили быстро выявить всю тайную организацию, арестовать ее участников. При обыске у них обнаружили бомбы, начиненные динамитом и свинцовыми пулями со стрихнином.

Новое донесение из МВД от 5 марта сообщало, что «во главе преступного предприятия стояли студенты: Шевырев, Говорухин и Ульянов, из которых последние двое в действительности находились под наблюдением полиции». Прилагались и показания Ульянова: «Я признаю свою виновность в том, что, принадлежа к террористической фракции партии “Народной Воли”, принимал участие в замысле лишить жизни Государя Императора... Я приготовлял некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого

замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления динамита и часть белого динамита... затем я готовил часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинал». Но это было еще не все. Александру III положили на стол и «Программу террористической фракции партии Народной воли», вышедшую из-под пера самого Александра Ульянова.

«Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подрывет обаяние правительственной силы и подействует пропагандистским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще более нужна, как протест против административного гнета...» На этом документе император написал: «Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота»⁶³.

В Симбирске первой об участии Александра в заговоре узнала близкая к семье учительница Вера Васильевна Кашкадамова, получившая письмо об этом из столицы. Прежде чем показать его Марии Александровне, она посоветовалась с Володей. «Крепко сдвинулись брови Ильича, он долго молчал...

– А ведь дело-то серьезное, – сказал он. – Может плохо кончиться для Саши».

Потом и Мария Александровна прочла письмо.

– Я сегодня уеду; навещайте, пожалуйста, без меня детей, – вот все, что она сказала и ушла.

Перед отъездом Мария Александровна ровным, спокойным голосом давала распоряжения, делала наставления прислуге и ВИ как старшему из оставшихся... Когда приходилось говорить с ним о брате, он повторял:

– Значит, он должен был поступить так, – он не мог поступить иначе»⁶⁴.

За решеткой оказался не только Александр, но и Анна Ульянова. Мария Александровна выехала в Петербург ходатайствовать перед императором: «Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу милости»⁶⁵. На ее прошении Александр III начертал: «А что же до сих пор она смотрела?»

Александр Ульянов на следствии признал свою руководящую роль и в создании организации, и в подготовке теракта. Его судили в составе преступной группы из 14 человек. Александр отказался от услуг нанятого матерью адвоката. Пятеро заговорщиков уже 19 апреля были приговорены к смертной казни. Среди них был и Ульянов. Мария Александровна умоляла сына просить о помиловании. Поначалу Александр отказал матери.

«Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. И тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить!»⁶⁶.

Но затем все-таки написал Александру III: «Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием. Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи»⁶⁷.

Лев Данилкин, яркий биограф Ленина, пишет: «Это прошение похоже на «развилку русской истории»: если бы ему был дан ход, возможно...» Неизвестно, прочел ли Александр III эту просьбу о помиловании. Но император оставил письмо без рассмотрения.

Пятого мая Владимир Ульянов начал сдавать выпускные экзамены в гимназии, написав сочинение по «Борису Годунову» Пушкина. В семье еще надеялись на смягчение приговора.

Восьмого мая Александр Ульянов был повешен. 10 мая правительственное сообщение о казни было расклеено в публичных местах по городам страны, включая и Симбирск. О речи Александра на суде, его мужественном поведении во время казни написала английская, французская, швейцарская, польская пресса.

Владимир был раздавлен.

Тем не менее он героически продолжал блестяще сдавать экзамены. По окончании гимназии Ульянов был удостоен золотой медали, Наумов – серебряной.

Мать вернулась из Петербурга – совсем убитая.

Хрестоматийные слова о том, что «мы пойдем другим путем», которые приводила Мария Ильинична, а за ней и все биографы, Владимир, может, и не произносил. Откуда он мог знать, каким путем надо идти и кто такие «мы»? А может, и произносил. Но память о повешенном Александре будет важнейшим фактором в его жизни. «Казнь старшего брата – безусловно, та психотравма, которая могла стать для ВИ причиной морального заикания и невроза на всю оставшуюся жизнь. Похоже, что май 1887-го как раз и есть для ВИ то самое событие-которое-все-объясняет, ключ ко всем его дальнейшим мотивировкам»⁶⁸.

Тем летом Владимир Ульянов несколько раз перечитал «Что делать?» Чернышевского, найдя его полностью созвучным своему состоянию души. Главный вывод из чтения романа?

«Всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером»⁶⁹.

Уверен, идея мести за брата жила в Ленине всегда. Цель у него будет та же, что и у брата, – уничтожение династии Романовых. И он отомстит. Будет казнена вся родня Александра III, которая только окажется в руках у большевиков, включая двух его сыновей и пятерых внуков. Только это станет для Ленина лишь одной из целей, достижение которой должно предшествовать уничтожению капитализма и всей господствующей элиты. И добиваться этих целей он будет не собственными руками, начиная бомбы свинцом и стрихнином, а руками чужими, сплачивая все больше людей для самых радикальных действий.

Тогда же из почтенной семьи действительного статского советника Ульяновы в одночасье превратились в семью врагов страны и ее императора. Они сразу же почувствовали опасно-брезгливое отторжение со стороны симбирской публики, даже большинства друзей и знакомых. В доме перестали бывать гости. Семью молчаливым осуждением выдавили из общества. Володе, как и всей семье, пришлось привыкать к тому, что на тебя смотрят либо с боязливым любопытством, либо с нескрываемым холодом или даже презрением. Для властей Владимир Ульянов (Ленин) всегда будет братом опаснейшего государственного преступника. Для революционеров – братом прославленного революционера, окруженного ореолом мученичества. Это автоматически обеспечивало ему иммунитет от возможных подозрений в сотрудничестве со спецслужбами.

Понятно, в семье ожидали серьезных проблем с поступлением Владимира в вуз. Помогли репутация отца, медаль и блестящие отзывы Керенского-отца. Хотя навещать дом Ульяновых он уже не решался, но поддержал своего лучшего выпускника, несмотря на призывы сверху к обратному. «Керенский дал тогда ВИ не только золотую медаль, но и очень хорошую, местами грешившую даже против истины, характеристику»⁷⁰, – засвидетельствует сестра Анна. Правда, в аттестат была вписана одна четверка – по логике, которую преподавал сам Керенский, вероятно, считавший увлечение радикальными идеями крайне нелогичным. Полагаю, дальнейшее поведение Владимира Ульянова было не последней причиной, из-за которой Министерство народного просвещения отослало Федора Михайловича Керенского куда подальше, в Ташкент, где уже будет учиться будущий премьер Александр Федорович⁷¹.

Владимир подал заявление о приеме на юрфак Императорского Казанского университета и был принят. Это стало поводом для того, чтобы уехать из ставшего в одночасье столь негостеприимным Симбирска. Родительский дом был продан полицмейстеру Минину за 6 тысяч рублей. Мария Александровна с детьми покинула город, которой 37 лет спустя будет назван в честь ее семьи, и вслед за Володией переселилась в Казань. Анна Ильинична зафиксировала: «В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовый, на Первой горе, откуда ВИ переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой»⁷².

Первокурсник Ульянов, сам того не желая, сразу стал звездой университета. На сей раз – не благодаря своим успехам в учебе: занятия он посещал нерегулярно. Призер еще гимназических соревнований по плаванию и конькобежному спорту, Ульянов и в университете проявил себя в атлетических состязаниях. И, конечно, он стал, согласно официальной биохронике, активистом нелегальных студенческих кружков, где имя его старшего брата уже вызывало преклонение. Его сразу же приглашают в компании старшекурсников. Но реально он успел отметить только в самарско-симбирском землячестве университета. Землячества были тайными студенческими обществами, запрещенные университетским уставом 1884 года. За участие в них грозило отчисление.

Четвертого декабря Ульянов участвовал в студенческих волнениях. На него донесли: «Еще дня за два до ссоры Ульянов дал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами; уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вел себя очень странно. 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии бунтовщиков и вместе со студентом Полянским он первым неся с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других». Митинговали и били «академистов» – студентов, желавших учиться.

Власти подтянули к университету батальон солдат, после чего бунтари покинули здание, а Ульянов швырнул привратнику свой студенческий билет. 5-го числа он оказался в числе сорока студентов, отправленных в одну общую камеру пересыльной тюрьмы. Мама принесла еду из лучшего трактира. Молодые люди в большинстве своем восприняли заключение как авантюрное приключение. Не Ульянов, который был предельно серьезен.

«Мне что ж думать... Мне дорожка проторена старшим братом», – мрачно заметил Владимир.

Его не выгоняли из университета – он ушел сам. Пребывая в мрачно-бунтарском настроении, написал ректору прошение: «Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее изъятие меня из числа студентов Императорского Казанского университета»⁷³.

Заключение в тюрьме было недолгим, 7 декабря Ульянова выслали из Казани в Кокушкино под гласный надзор полиции. Там уже была и Анна, которую по делу старшего брата приговорили к пяти годам ссылки в Сибирь, замененной по ходатайству матери на Кокушкино. «Провели мы зиму в полном одиночестве, – вспоминала Анна. – Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли крестьян, – вот и все, кого мы видели. ВИ много читал – во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты»⁷⁴.

С учебой в Казанском университете было покончено. Но не с учебой. Ленин расскажет, что он никогда так много не читал, как в кокушкинскую ссылку.

«Это было чтение запоем, с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную белле-

тристику, очень увлекался Некрасовым... Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы»... Моим любимейшим автором был Чернышевский... Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом»⁷⁵.

Чернышевскому даже написал письмо, но ответа не дождался, а через год писатель отойдет в мир иной. Именно на Чернышевского у Ленина ляжет марксизм. «Кроме чтения ВИ занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешной... Летом приехали двоюродные братья – у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли»⁷⁶.

Мать опять хлопочет: позволить сыну учиться в любом университете страны или разрешить ему уехать на учебу за рубеж. Минпрос отказал. Более того, Владимир Ильич Ульянов оказался в списке лиц, коим навсегда был заказан путь на государственную службу⁷⁷. И в армию он не попал, потому что был старшим сыном при матери-вдове, а такие освобождались от призыва.

В сентябре 1888 года Анне и Владимиру разрешили вернуться в Казань, где они поселились во флигеле дома Орловой на Первой горе Арского поля. «В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем – остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал с ними большую часть дня. Здесь начал он изучать 1-й том “Капитала” Карла Маркса»⁷⁸.

В числе других – продолжавшихся – увлечений очевидцы называли шахматы и музыку. Записался в Казанский шахматный клуб. «В 1888–1890 годах ВИ часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь»⁷⁹, – запомнил брат Дмитрий. Ольга оставалась самым близким для Владимира человеком.

К систематическому изучению Маркса Владимир пристрастился в кружке Марии Павловны Четверговой. Ветеран «Народной воли» – ей уже было за 40, – она была в большом почете среди казанского революционного молодняка. «Капитал» освоил по русскому изданию 1872 года. «Нищету философии» читал по-французски. А почти все остальное из Маркса и Энгельса – на немецком.

Но что из всех их многочисленных трудов читать? Ответ дала попавшая в руки Владимира программа марксистского чтения, составленная Николаем Евграфовичем Федосеевым. Его кружок, созданный в 1888 году, играл немалую роль в распространении «самого передового учения» в Поволжье. Федосеев, сын следователя, был на год младше Ленина. Этого марксиста-самоучку выгнали из гимназии за революционную деятельность, и он посвятил свободное время организации кружков, составляя для них программы чтения, готовя разоблачительные рефераты по истории и социально-экономическим проблемам России. Ленин в 1922 году напишет, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁸⁰.

В рекомендуемом Федосеевым списке для чтения содержались уже труды основоположников группы «Освобождение труда», которая стремительно интегрировалась в международное социалистическое движение. Группа оказалась среди участников Первого, или Учредительного, конгресса II Интернационала, который в июле 1889 года собрал в Париже делегатов практически от всех существовавших на тот момент рабочих и социалистических организаций

– марксистских и анархистских – Старого и Нового Света. Плеханов выступал на конгрессе от русских марксистов, Лавров – от имени народovolьцев. На Второй конгресс 1891 года в Брюсселе «Освобождение труда» уже направила собственный доклад, но на Третьем конгрессе 1893 года в Цюрихе Плеханов был докладчиком от комиссии по военному вопросу⁸¹. Однако, завоеывая позиции в международном социализме, группа «Освобождение труда» была мало известна в самой России, ее труды в очень небольшом количестве проникали в Россию и очень немногими читались. Среди этих немногих одним из самых внимательных читателей был Владимир Ульянов.

Марксист

Ленин расскажет молодым социал-демократам:

«— Я начал делаться марксистом после усвоения 1-го тома «Капитала» и «Наших разногласий» Плеханова...

— Когда это было?

— Могу вам точно ответить: в начале 1889 года, в январе»⁸².

Как раз в это время на деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске, семья Ульяновых приобрела хутор близ деревни Алакаевка в Самарской губернии. Начался самарский период жизни Ленина. По доверенности покупку осуществил Марк Тимофеевич Елизаров, жених Анны Ильиничны. Он что-то смыслил в агрономии, и у Марии Александровны теплилась смутная надежда, что он сможет заинтересовать ее беспокойных детей ведением собственного хозяйства. В мае семейство переехало в Алакаевку. И, как выяснится, очень вовремя.

В Казани как раз пошли аресты. Ленин напишет: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»⁸³.

В апреле Владимир Ульянов получил свидетельство за подписями двух медицинских светил о наличии у него болезни желудка, для лечения которой требуется пить щелочные воды, лучше всего во французском Виши. На этом основании он подал прошение казанскому губернатору о выдаче ему заграничного паспорта. Губернатор в ответ рекомендовал попить Ессентуки № 17 на Кавказе⁸⁴. Рекомендацией Ульянов пренебрег и поехал в Алакаевку, где обосновался с родней, как зафиксировало всевидящее жандармское управление, 4 (16) мая 1889 года.

Естественно, хозяйством Ульяновы заниматься не стали, сдав земли в аренду. Но Владимир имел возможность познакомиться с крестьянским миром. «Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по три-четыре месяца в год, а также и в деревне Бестужевка, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего»⁸⁵, — напишет сестра Анна. «Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето, — замечала Мария Ильинична. — Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом»⁸⁶. Брат Дмитрий добавлял: «Вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка».

Деревянный, зеленой краской покрашенный дом — метров² 120. Самым большим помещением была кухня. И еще столовая, которой предпочитали небольшую веранду у входной двери. Справа от входа была комната Владимира, угловая, сразу с четырьмя окнами. Он вел жизнь интеллигента-дачника: читал, думал и набирался сил. «В северо-западном углу сада был “Володин уголок” — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10–15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 год, это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича»⁸⁷.

Анна Ильинична 28 июля (9 августа) 1889 года сочеталась с Елизаровым законным браком в соседнем селе Тростянке, при этом Владимир выступал в роли, как тогда говорили, поручителя.

В конце августа Владимир отвез младших в Самару, где они теперь должны были учиться в гимназии, и оставил на квартире Елизарова под присмотром Ольги. Самара была создана хлебным бизнесом и волжской вольницей. Город быстро развивался, правильно и красиво застраивался, хотя еще не мог похвастаться качественным водопроводом или канализацией. Летом тучи белой пыли из степи носились по улице.

Владимир с матерью приезжают в Самару 21 сентября (9 октября), и семья воссоединилась в доме Кулагина на Полицейской площади. Потом переехали. «В Самаре жили зиму 1889/90 года в доме Каткова на Заводской улице под горой у самого берега Волги. Красный каменный дом, снимали весь второй этаж, – писал Дмитрий. – С мая 1890 года до отъезда из Самары в августе 1893 года жили на углу Сокольничьей и Почтовой улиц в доме Рытикова, деревянный двухэтажный дом... Здесь ВИ болел тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года»⁸⁸.

Мария Ильинична отнесет эту болезнь на более поздний срок, подчеркивая крепкое – до времени – здоровье брата: «От природы ВИ был крепким, здоровым, жизнерадостным человеком... Он редко хворал и из серьезных болезней перенес только в 1892 году в Самаре брюшной тиф, да и то не в сильной форме. Весь этот период своей жизни он провел в семье, пользовался хорошим домашним столом, не был перегружен нервной работой, имел возможность проводить лето за городом (в казанский период в с. Кокушкино, а в Самарский – на хуторе Алакаевка)»⁸⁹. Его революционная деятельность, если таковая и была, пока не влекла за собой серьезных нервных стрессов.

Самарским партнером по шахматам стал присяжный поверенный окружного суда Андрей Николаевич Хардин, у которого была и хорошая библиотека. Ульянов также «пользовался книгами публичной библиотеки по абонементу Анны Ильиничны. Но он получал также книги и из библиотеки Благородного собрания, в которой был более богатый фонд толстых журналов и иностранной литературы»⁹⁰.

Ульянов по-прежнему был намерен учиться. 28 октября (9 ноября) он направил прошение министру народного просвещения разрешить ему держать экстерном экзамен по курсу юридического факультета в каком-либо учебном заведении. В резолюции министерства Ульянов был охарактеризован как «скверный человек», последнее слово оставлялось за Департаментом полиции. Тот оказался против. Делать нечего.

Теперь Владимир Ульянов, его братья и сестры, тоже уже проникнувшиеся или еще только проникавшиеся марксизмом, окунулись в самарскую кружковую среду. «В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани – городе университетском, но и там она была, – вспоминала Анна Ильинична. – Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого»⁹¹.

Полагаю, Ленин излагал свое идейное становление и эволюцию, описывая в «Что делать?» молодых социал-демократов: «Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными “Народной воле” и которых молодые социал-демократы высоко уважали»⁹². Но именно народовольцы окажутся теми первыми непримиримыми противниками (сколько их еще будет), с которыми вступил в борьбу юный Ульянов. От них марксисты нередко слышали вопрос: «Зачем же вы непременно *хотите* разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?»⁹³.

Осенью он познакомился с организатором протестных кружков в Самаре Алексеем Павловичем Скляреном (он же Попов, Бальбуциновский, Роман), внебрачным сыном военного

врача и активным кружником Матвеем Ивановичем Семеновым (Бланом), с сельским учителем Алексеем Александровичем Беляковым.

Собрания кружка происходили обычно на квартире Скляренко. «Как сейчас вижу невысокую, крепкую фигуру ВИ в косоворотке и в коротком сером пиджаке, – рассказывал Семенов. – Он спокойно усаживается за стол, вынимает из кармана небольшую тетрадку – свою рукопись и начинает читать вслух». Встав на почву марксизма, Ульянов стал беспощаден к народникам. Его фирменный стиль полемики уже начал формироваться. «В общении его с людьми отчетливо обнаруживались резкие различия: с товарищами, которых он считал своими единомышленниками, он спорил мягко, подшучивал весьма добродушно и старался всякими способами выяснить их ошибку и сделать ее для них очевидной, – подтверждал Семенов. – Но раз он усматривал в оппоненте представителя другого течения, например заскорузлого и упорного народника, его полемический огонь становился беспощаден. Он бил противника по самым больным местам и мало стеснялся в выражениях»⁹⁴.

Нравы наставника быстро усваивались юными последователями. Беляков вспоминал: «Самарские кружки до Ленина, с народническими замашками, со всей бездной народнических предрассудков, с Н. К. Михайловским как источником всяческой мудрости, “властителем дум” той эпохи, с 1890 года, пожалуй, можно сказать, кончили свое существование... Микроб революционного марксизма был занесен в Самару В. И. Ульяновым»⁹⁵. На собрания «стариков» – народников со стажем – Ульянов не ходил. Вечеринки либеральной молодежи, часто с околополитическим подтекстом – сборы денег на Красный Крест, на библиотеку, – его ни разу не заинтересовали.

Иногда устраивали и выездные занятия кружка: на лодках, на волжских островах. В начале мая предприняли «кругосветное путешествие» – вниз по Волге до села Переволоки, волоком на реку Усу, по ней до Волги и вниз до Самары. Вовсе даже не брезговали любимыми народом напитками, основным из которых было «Жигулевское». «Иногда Скляренко затаскивал его вместе с другими товарищами в пивной павильон Жигулевского завода на берегу Волги, и здесь компания за веселым разговором и шутками проводила час-другой. ВИ прозвал Скляренко за умение организовать такие увеселения «доктором пивоведения». Разумеется, во время таких увеселительных прогулок нередко разгорались и споры по серьезным вопросам»⁹⁶. Беляков так вообще доказывал социологическое значение походов в пивную: «ВИ очень любил посещать этот павильон, но не ради пива, а, несомненно, ради того многообразного проявления жизни торгово-промышленного города, которое удавалось там наблюдать»⁹⁷. Заметим, что и в год 150-летия Ленина пиво на легендарном заводе производится на том же оборудовании, что и в XIX веке.

В мае 1890 года Мария Александровна выехала в Петербург, помимо прочего, хлопотать за сына. Она вновь обратилась и в Департамент полиции, и к министру народного просвещения Делянову с просьбой разрешить ему экстерном сдать экзамены в любом из российских университетов. «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы... Такое бесцельное существование без всякого дела не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, – почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве». Делянов не выдержал натиска и 19 мая поставил резолюцию: «Можно допустить к экзамену в Университетской комиссии»⁹⁸.

Департамент полиции хоть и отметил, что Ульянов вел знакомство с «лицами сомнительной благонадежности» и особых занятий не имел, но «в политическом отношении за ним замечено ничего не было». Владимиру Ульянову разрешили сдавать экзамены экстерном «в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года». Ура! Он думал не долго. Конечно же, столица: юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

Лето провел в Алакаевке. Познакомился с народником Алексеем Андреевичем Преображенским, который организовывал земледельческую коммуну на хуторе в трех верстах от Алакаевки. «Наш хутор Шарнеля служил местом паломничества крестьян-сектантов, ищущих правды и спрашивавших, как жить по-божьи». Ульянов часто туда по вечерам заходил. «Мы вели с ним продолжительные споры, иногда затягивавшиеся до утра... Для подтверждения того, что капитализм проникает в деревню и происходит процесс пролетаризации крестьянства, ВИ предложил мне провести подворное обследование с. Неяловки, Тростянской волости»⁹⁹. Этот Преображенский продолжит с подачи Ильича решать крестьянский вопрос при советской власти, возглавив совхоз в Горках Ленинских.

Мысли Ульянова были уже в Санкт-Петербурге. Он начал готовиться к экзаменам. Беляков вспоминал, как «в августе перед отъездом в Питер Владимир Ильич раза три заходил на квартиру Скляренко, но уже не для занятий, а так, вообще, повидаться и покалякать». 25 августа (6 сентября) Владимир погрузился на пароход, следующий в Казань. Неделя там, встречи с нужными людьми и родней. И вот он – через Нижний Новгород – впервые в Санкт-Петербурге. Гидом в великом городе выступала сестра Ольга. Изучил программу госэкзаменов, взял список литературы, записался в библиотеку.

Полиция 17 (29) ноября зафиксировала возвращение Ульянова в Самару и его проживание в доме Рытикова на углу Почтовой и Сокольничьей улиц. Теперь он готовился к сдаче экзаменов. Но не только. Беляков рассказывал, как в начале марта 1891 года Ульянов отметил на «журфиксе» в популярном салоне дантиста Анны Абрамовны Кацнельсон, где выступал известный народник Россиневич. «Собрание было многочисленное, народнические звезды всех величин были в полном сборе... ВИ благоглупости Россиневича привели в отличное расположение духа, ироническая усмешка в глазах и на губах ВИ играла вполне отчетливо». Он взял слово. И кто бы сомневался: «Это был первый триумф ВИ на большом собрании с участием широких кругов радикальной интеллигенции и учащейся молодежи...»¹⁰⁰.

Весной предстояло сдавать экстерном экзамены за первые два курса юрфака. 26 марта (7 апреля) Ульянов подал прошение в испытательную комиссию при Петербургском университете. Видом на жительство в столице служила копия выписки из протокола заседания Симбирского дворянского депутатского собрания с подтверждением прав на потомственное дворянство, на которой сам он написал: «Дворянин Владимир Ильич Ульянов, 21 года, приехал из Самары держать экзамен в Испытательной юридической комиссии при Императорском С.-Петербургском университете». Тут же полицейская отметка о его проживании на Тучковой набережной, дом № 2, кв. 47¹⁰¹. Зачастил к сестре Ольге в общежитие Высших женских (Бес-тужевских) курсов.

Экзамены он начал сдавать 4 (16) апреля в малом конференц-зале Академии наук с истории русского права, отвечал на вопрос о формах зависимости холопов в феодальных княжествах Древней Руси. Оценка самая высокая – «весьма удовлетворительно». На следующий день государственное право (вопрос о сословных учреждениях) с тем же результатом.

На радостях взял передышку, навестил Ольгу, зашли к родственникам Песковским. Ольга была в прекрасном весеннем настроении, вместе смотрели, как ломался лед на воспрянувшей Неве. Сестра порадовала мать в письме успехами Владимира.

Сразу два экзамена 10 (22) апреля – по политической экономии (форма заработной платы) и статистике (германский статистик XVII века Конринг). Затем экзамен по энциклопедии права и истории философии права (Платон о законах). 24 апреля (6 мая) сдал последний в весеннюю сессию экзамен по истории римского права, отвечал на вопрос о законах, издаваемых выбранными властями. Все на «отлично».

И тут снова трагедия. Прямо какой-то рок, совпадающий с экзаменами. Ольга заболела брюшным тифом. В конце апреля Владимир отвез сестру в Александровскую больницу

на набережной Фонтанки. Регулярно ее навещал. Телеграфировал матери в Самару: «У Оли брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благоприятный исход». Ей все хуже. В начале мая он вызывает Марию Александровну: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра»¹⁰².

Умерла Ольга 8 (20) мая. Хоронили с матерью и несколькими знакомыми и однокурсницами Ольги на Волковском кладбище, на Литераторских мостках. «ВИ был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару»¹⁰³.

Лето с семьей в Алакаевке, подготовка к следующим экзаменам. Тогда Ульянов познакомился с Алексеем Ивановичем Ермасовым, организатором кружков в Сызрани и весьма состоятельным молодым человеком. Ему предстоит стать одним из негласных спонсоров «Искры» и «Вперед».

В начале сентября Владимир вновь едет из Алакаевки и Самары в столицу – на второй раунд экзаменов. Поселился на Екатерингофском проспекте, все время проводил в библиотеке Академии наук. В зале Совета Петербургского университета писал сочинение по уголовному праву. Результат тот же – «весьма удовлетворительно». Затем в малом конференц-зале Академии наук устный экзамен по уголовному праву и судопроизводству (защита в уголовном процессе и кража документов) – вновь, как всегда. В октябре по римскому праву достались вопросы о дарении и о влиянии времени на происхождение и прекращение права. Гражданское право (передаточные договоры), торговое право (торговые книги), полицейское право (наука полиции и ее содержание), финансы (о бюджете) приносят наивысшие оценки. Со 2 (14) ноября Ульянов сдавал устные экзамены по церковному праву (отвечал на вопрос об истории русского церковного законодательства) и международному праву (о праве нейтралитета). Вновь безупречно. Экзамены тогда держали 134 человека, Ульянов, как и в гимназии, оказался первым в выпуске¹⁰⁴.

Решил вновь попытать счастья и лично явился к вице-директору Департамента полиции, чтобы просить разрешение о выезде за границу. Без результата. 11 (23) ноября поехал обратно в Самару, никуда не заезжая. 22 ноября (4 декабря) испытательная комиссия при Петербургском университете выдала Ульянову свидетельство № 205 на получение диплома первой степени.

В 1891–1892 годах в России разразился голод. Весной и в начале лета не было ни дожидка, посевы высохли. Крестьяне, прекрасно знавшие, что бывает в «черные годы», собирали свой скарб и тянулись к пристаням и городам. Сильнее всего голод ударил по Поволжью. «Толпы голодающих были очень беспокойны и разговаривали с начальством весьма непочтительно»¹⁰⁵. Земство, народническая интеллигенция организовали комиссию помощи голодающим. Развертывалась программа общественных работ для нуждавшихся: строили элеваторы и расширяли порт. Правительство выделило на помощь голодающим 2 млн рублей, столько же собрали в Самаре. Приезжал даже Лев Николаевич Толстой, оставивший своего сына в качестве организатора благотворительных столовых.

«ВИ вернулся в Самару из Питера в ноябре в самый разгар болтовни в пользу голодающих», – рассказывал Беляков. Позиция Ульянова была однозначна и заключалась в том, что «революционные группы и кружки обязаны стоять в стороне, не работать вместе с чиновниками и либералами, ибо подобная помощь означала прежде всего укрепление той системы управления, при которой голод превратился бы в периодическое явление, способствовала укреплению основ буржуазного строя...».

Ульянов заявлял, что «последствия голода – рождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, – явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм... Радикалы и либералы, испуганно тараща глаза, приходили к заключению: “спятил мальчик с ума бесповоротно”... Мы неоднократно тянули ВИ на собрания комитета помощи, но он всегда и очень

решительно отказывался, указывая, что с таким собранием губернаторских чиновников есть один способ разговора: “рукой за горло и коленкой на грудь”. К концу ноября 1891 года нам удалось работу комитета дезорганизовать...»¹⁰⁶ Подтверждала и новая знакомая – Мария Петровна Голубева: «Из всей самарской ссылки только ВИ и я не принимали участия в работах этих столовых»¹⁰⁷. Идея накормить голодавших была Ульянову действительно глубоко чужда, поскольку не работала на свержение антинародного режима.

Голубева, которую, по ее словам, Владимир при каждой встрече провожал домой на другой конец Самары, была старше его на девять лет. Она запомнила: «Обычный костюм его в это время – ситцевая синяя косоворотка, подпоясанная шнурком... Когда узнал, что я выслана по делу якобинцев-бланкистов, что я якобинка, он очень заинтересовался этим обстоятельством и, по-видимому, взял меня как объект для изучения... Часто и много мы с ним толковали о “захвате власти” – ведь это излюбленная тема у нас, якобинцев»¹⁰⁸.

Новый, 1892 год товарищи встречали на квартире Кацнельсон. «Это была первая большая вечеринка с участием ВИ. Было очень шумно и весело... Была объявлена “всеобщая, прямая и явная кадрили” без различия пола и возраста... Пришлось и ВИ отплясывать кадрили. Это было уморительно веселое зрелище, ВИ... давал руку чужой “даме” вместо своей, брал за талию вместо “дамы” случайно подвернувшегося кавалера из другой пары...»¹⁰⁹.

С января 1892 года Ульянов начал работать: занялся адвокатской практикой, получив на то разрешение и Самарского окружного суда, и Департамента полиции, который тем не менее сохранял над ним, как и над всей семьей, негласный надзор. Он стал помощником присяжного поверенного и партнера-шахматиста Хардина. Опытный адвокат Хардин, отмечал его коллега, «не стеснял своих помощников в их занятиях и не был сторонником “натаскивания” их по делам; этому последнему он предпочитал самую широкую самостоятельность молодняка адвокатуры»¹¹⁰.

С 5 (17) марта, когда он впервые выступает в суде в качестве защитника по делу крестьянина Муленкова, присяжный поверенный Ульянов представлял интересы обвиняемых как минимум по 17 делам самой разной значимости – от кражи зерна из амбара и богохульства до присвоения 12 317 рублей 58 копеек купцом Брискером. Клиентами были и крестьяне, и мещане, и отставные военные, и крупные дельцы, и землевладельцы¹¹¹. Ульянов, судя по всему, был хорошим адвокатом, способным помочь своим клиентам. Видные представители самарского судейского корпуса видели в нем «будущего светила», отмечали высокую образованность и даже воспитанность¹¹². Но у того были другие увлечения.

К 1892 году официальные биографии относят создание собственно марксистского кружка в Самаре под идейным руководством Ульянова – Скляренко, Семенов, Лебедева, Кузнецов и др. Это был первый опыт формирования ленинской команды. Тогда же Ульянов налаживал переписку с Федосеевым, сосланным во Владимир¹¹³. «В кружке Скляренко ВИ начал довольно часто ставить вопрос о необходимости встать на путь Н. Е. Федосеева, завязывающего во Владимире связи с рабочими, организующего рабочие кружки», – свидетельствовал Беляков. Естественно, первые усилия были предприняты на близком по духу Жигулевском пивоваренном заводе, но они успеха не принесли¹¹⁴. Единственный зафиксированный опыт общения Ульянова с рабочими: в самарских железнодорожных мастерских он прочел реферат на актуальную для них тему: «Об общине, ее судьбах и путях революции».

Летом в Самаре вспыхнула холера, были дни, когда число смертей измерялось сотнями. В деревнях разгорались холерные бунты, убивали врачей, фельдшериц, санитаров, подвернувшиеся под руку начальство. Осенью в Самару зачастили революционеры. Ульянова они не интересовали. Даже когда в город приехал культовый для народников (и наиболее критикуемый Ульяновым) «сам» Михайловский, молодой марксист с ним не виделся (или не был удостоен

аудиенции)¹¹⁵. Ульянов критиковал либеральных народников за отсутствие настоящего революционного антиправительственного пафоса. Но при этом сам какой-либо активной революционной работы не вел, больше томился. «Последний год в Самаре, хотя и забросил туда нового ценного единомышленника Исаака Христофоровича Лалаянца, с которым основывалась первая группа социал-демократов в Самаре (Ильич, Скляренко, Лалаянц), переживался ВИ более томительно, чем первые»¹¹⁶, – подтверждала Анна Ильинична. Оставался, чтобы поддержать мать.

Лалаянц в воспоминаниях особой «томительности» у Ульянова не замечал. Места встреч были те же. «У Попова была удивительная способность быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с великолепным жигулевским пивом». Занятия носили исключительно теоретический характер. Лалаянц в то время замечал наличие «некоторых симпатий у ВИ к народовольческому террору». Никаких занятий ни с кем никто из кружковцев нигде не вел. «Это просто была маленькая группа очень близко сошедшихся между собой товарищей-единомышленников, тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей нас разномыслящей интеллигенции»¹¹⁷. Уже тогда, как зафиксировала входившая в один из кружков Прасковья Ивановна Кулябко, Ульянова коллеги называли «Ильичем» и «Стариком»¹¹⁸.

Лето, как обычно, провел в Алакаевке, куда регулярно наезжали Скляренко и Лалаянц. 20 августа (1 сентября) 1893 года Владимир навсегда покинул Самару.

По дороге опять заехал в Нижний Новгород, чтобы познакомиться с марксистом Скворцовым, о котором был наслышан. Оттуда во Владимир, где надеялся повидаться с сидевшим там в тюрьме Федосеевым: его должны были выпустить на поруки. Но не выпустили, и встреча не состоялась. «Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась, – вспоминал Ленин. – Затем Федосеев был сослан в Восточную Сибирь одновременно со мной и в Сибири кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжелой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни»¹¹⁹.

Декабрист 2.0

Осенью 1893 года семейство Ульяновых в полном составе покидало самарские края и перебиралось в столицы. «ВИ переехал в Петербург, остальные же члены семьи – в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет, – объясняла Мария. – Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей». Продавали долго. В тот год пытались пристроить хутор губернскому секретарю Данненбергу за 8,5 тысячи рублей (купили за 7,5 тысячи), но сделка, которую со всем тщанием профессионально готовил присяжный поверенный Владимир Ульянов, сорвалась. В итоге хутор сдавался в аренду до 1897 года, когда его удастся продать зажиточному крестьянину Данилину (у Маняши он – местный купец).

Почему Владимир не поехал со всеми в Москву? Как писала Анна, «он решил поселиться в более живом, умственном и революционном центре – Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией»¹²⁰. Ульянов прибыл в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 года. Формально для того, чтобы устроиться на адвокатскую работу.

Пятого октября (первое письмо родным в Полном собрании сочинений Ленина) он писал матери: «Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется, других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки... Комната чистая и светлая. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен... На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности – и крест, и венок». На могиле Ольги. «Прошу прислать деньжонок: мои подходят к концу. Из Самары мне пишут, что деньги по делу Графова (Казанское дело, которое я вел в Самаре) обещались уплатить в ноябре... Мне обещают здесь место в одном юрисконсульстве, но когда именно это дело устроится (и устроится ли), не знаю»¹²¹.

В сентябре Ульянова зачислили помощником присяжного поверенного у близкого знакомого Хардина – известного адвоката Михаила Филипповича Волкштейна. Теперь, «облачаясь в отцовский фрак, ему приходится регулярно ходить на Литейный проспект в Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде для юридических консультаций и ведения судебных дел»¹²².

Ульянов не ставил цели заработков. «В сословие ВИ записался, но работал в нем мало, хотя некоторое время он, очевидно, интересовался юридической практикой, работая в консультациях на окраинах города, – напишет общавшийся с ним тогда студент Петербургского университета Михаил Александрович Сильвин. – Но когда я как-то спросил его... как идет его юридическая работа, он сообщил мне, что работы, в сущности, никакой нет, что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов»¹²³.

Именно с переезда в Петербург в 1893 году и начинается собственно революционная деятельность Ульянова-Ленина. В установлении контактов с питерским подпольем помогло письмо от нижегородцев студентам-землякам, которое он вручил именно Сильвину. «Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Германа Красина, сообщив об интересном приезде и настойчиво предложил познакомиться. Имя “Ульянов” произвело впечатление, но мне заявили “обсудим”»¹²⁴, – вспоминал Сильвин. Марксистский кружок студентов Технологического института во главе с братьями Красиными усиленно шифровался, кроме того, новичка из Поволжья решили проверить на знание марксизма. Учением Маркса Ульянов владел лучше молодых технологов, но их сильно смутила его приверженность террору, не свойственная социал-демократам. Отнесли это на издержки «фамильной трагедии».

Ветеран социал-демократии Василий Андреевич Шелгунов подтверждал, что к приезду Ульянова в Санкт-Петербурге «уже существовала марксистская группа, причем интеллигенция и рабочие группировались каждые отдельно. У рабочих существовал центральный кружок, в который входили Фишер, Кайзер, Норинский и Шелгунов; из марксистской интеллигенции в этот кружок входили Старков, Кржижановский, Радченко». Ульянов «охотно ходил на кружки и пылливо присматривался к каждому рабочему-революционеру»¹²⁵.

Кржижановский, будущий творец плана электрификации Советской России, поделится воспоминаниями: «Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый приятель, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральную роль. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского восприятия в нашей среде... За обнаженный лоб и большую эрудицию ВИ пришлось поплатиться кличкой Старик, находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бывшей в нем ключом из всех жизненных пор молодой энергией...»¹²⁶.

Свой партийный стаж Ленин отсчитывал именно с 1893 года, когда вошел в марксистский кружок студентов Технологического института. Кружок этот стал уже следующей – после самарской – командой (ЦК) Ленина. Как расскажет Сильвин, весьма примечательной: «Спокойный, сдержанный, даже несколько скрытный, но добродушный Степан Радченко, с хохляцким юмором и с хитрой усмешкой опытного конспиратора; чувствительный и нежный поэт-революционер Кржижановский; всегда казавшийся замкнутым в себе Старков, которому, по видимому, чужды были всякие сантименты; Малченко – изящный брюнет, с лицом провинциального тенора, всегда молчаливый, всегда любезный товарищ; широкоплечий, кудлатый Запорожец, в глазах которого светилась вера подвижника; Ванеев – с его тонкой иронией, в которой сквозил затаенный в душе скептицизм к вещам и людям; и, наконец, я, смотревший на мир жадно открытыми глазами, часто полными наивного недоумения, которое приводило иногда в смешливое настроение ВИ»¹²⁷.

Кружковая работа Ульянову казалась слишком узкой. «Как и все мы, ВИ тоже имел свой кружок рабочих, с которыми занимался, но относился он к этому делу всегда несколько скептически, – подтверждал Сильвин. – Для этого большого человека нужна была большая аудитория, широкая арена»¹²⁸. И он искал эту арену за пределами подпольных организаций.

Ульянов быстро выдвинулся как видный критик народничества. Федор Ильич Дан, выступив позднее в роли историка партии, замечал: «Яркое выражение этому наступательному духу дала вышедшая в 1894 году брошюра, озаглавленная “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)”. Брошюра, отпечатанная на mimeографе, состояла из трех отдельных выпусков, посвященных Михайловскому, Южакову (этот выпуск найти до сих пор не удалось) и Кривенко...»¹²⁹. Даже без не разысканной второй части «Друзья народа» составили львиную долю толстого первого тома Полного собрания сочинений Ленина.

Смысл: народничество выродилось в пошлость, филистерство, «пустолайство», «пустоболтунство». Из политической программы, нацеленной на то, чтобы «поднять крестьянство на социалистическую революцию *против основ современного общества*, выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, “улучшить” положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*». А вот социал-демократы «будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой у них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и тради-

ций». Решить эту задачу сможет исключительно повысивший свою сознательность пролетариат, который поведет к победоносной коммунистической революции¹³⁰.

Брошюра Ульянова вышла еще нелегально, небольшим тиражом. Но российский марксизм – в немалой степени благодаря усилиям Вольного экономического общества – уже начал пробивать себе дорогу и в легальную литературу. В том же 1894 году вышла легально книга Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», также нацеленная против народничества.

Лето 1894 года Ульянов провел в Подмоскowie, как запомнил московский социал-демократ и будущий директор Музея революции Сергей Иванович Мицкевич, «на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминки. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых»¹³¹. Полиция зафиксировала также и появление Владимира Ульянова на вечеринке 12 (24) января 1894 года в доме Залесской на Воздвиженке, где он с «полным знанием дела» дискутировал с известным народником Василием Павловичем Воронцовым¹³².

«Волжанин» становился популярной личностью в узких марксистских кругах, где после «Друзей народа...» его авторитет был уже общепризнан. Среди заинтересовавшихся им была и Надежда Крупская, девушка на год его старше. «Увидала я ВИ лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я два года перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании, кроме ВИ, были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и другие; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли... Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал – кажется, Шевлягин, – что очень важна вот работа в комитете грамотности. ВИ засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слышала от него такого смеха:

– Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем...

Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бороду, сказал:

– Ведь это черт знает, что он говорит.

– Что ж, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры...

Помню, когда мы возвращались, идя вдоль Невы с Охты домой, мне впервые рассказали о брате ВИ, бывшем народовольце...»¹³³. Их встреча произошла, по версии Крупской, в конце февраля 1894 года. Историки утверждают, что годом позже, поскольку Классон в начале 1894-го находился в Германии.

Однако есть основания полагать, что на той встрече была еще одна девушка – Аполлинария Якубова и на нее первую Ульянов положил глаз. Она была подружкой Крупской. Именно к ней якобы сватался Владимир Ульянов. Но Якубова предложение руки и сердца отвергла, предпочтя профессора Тахтерева, редактора левого журнала «Рабочая мысль». Позднее будут и переписка между Лениным и Якубовой, и встречи, в частности, в Лондоне, где она будет жить¹³⁴.

Но Крупская сразу влюбилась в своего будущего мужа, хотя он поначалу и не отвечал ей взаимностью. Как вспоминала ее очень проницательная гимназическая подруга, а затем известная журналистка Ариадна Тыркова-Вильямс, она «по-прежнему жила с матерью на третьем дворе, в большом доме Дурдиных, на Знаменской. Жили все так же тихо, уютно, с лампадками, как будто по-старосветскому... Но за всем этим я чувствовала другую Надю. Она уже прокладывала путь к тому, что вскоре должно было стать смыслом, целью и, как это ни странно звучит для моей скромной Нади, роскошью ее жизни. Началось это с вечерних курсов для рабочих за заставой. Надя глухим, монотонным голосом рассказывала мне, как важно пробудить в рабочих классовое сознание. Я плохо понимала, что это значит. Но я видела, что

от этих таинственных слов Надя расцветала... Уже не в Петербурге, а летом у них на даче, под Окуловкой, впервые услышала я от Крупской имена Карла Маркса и Ульянова»¹³⁵.

Надежда была из семьи обедневшего дворянина Виленской губернии. Константин Игнатьевич Крупский окончил Михайловское артиллерийское училище, Военно-юридическую академию и дослужился до чина майора. «Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением на Западе, – рассказывала Надежда Константиновна. – В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы)»¹³⁶. Ей было всего 14 лет, когда отца не стало.

Мать Надежды – Елизавета Васильевна – в скором времени теща Ленина – была набожной женщиной, воспитанницей Института благородных девиц, имела диплом домашней учительницы. После смерти мужа она получала пенсию. Жили скромно. Тыркова удивлялась, «как могут они с матерью существовать в такой тесноте?»¹³⁷. – Помогал брат отца – действительный статский советник. Надежда училась в престижной гимназии княгини Оболенской, закончила ее с золотой медалью, годом позже обрела диплом преподавателя русского языка и математики и пошла на Высшие (Бестужевские) женские курсы. Там подруги познакомили ее с технологиями-марксистами.

Сама она рассказывала: «Когда Бестужевские курсы открылись, я на них поступила, думала, сейчас там мне расскажут о всем том, что меня интересует, и когда там заговорили совсем о другом, бросила курсы»¹³⁸. Надежда пошла работать в Главное управление железных дорог, а многие вечера посвящала преподаванию в рабочей школе и участию в марксистском кружке.

«Зимой 1894/95 г. я познакомилась с ВИ уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе... Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором, и ВИ по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры... Хождение по рабочим кружкам не прошло, конечно, даром: началась усиленная слежка. Из всей нашей группы ВИ лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надвух шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывать всякие клички»¹³⁹.

Тыркова подметила (женщины это хорошо чувствуют) перемены в мыслях и чувствах Надежды, которые теперь «были неразрывно связаны с человеком, который ее захватил тоже целиком. Надя изменилась. С ней что-то произошло. Что-то новое пробивалось сквозь прежнюю монашескую тихость... У Нади была очень белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло, что в эту минуту моя Надя, которую я часто жалела, что она такая некрасивая, показалась мне просто хорошенькой. В моем воображении тогда еще крепко связались “Капитал” и “один товарищ”. Но если бы кто-нибудь мне тогда сказал, что этот товарищ, опираясь на “Капитал”, переломает всю русскую жизнь, зальет Россию кровью и что Надя будет ему усердно в этом помогать, это показалось бы мне бредом! Тогда он еще назывался не Ленин, а Ульянов. Надя говорила о нем скупое, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что она в него влюблена по уши»¹⁴⁰.

Той осенью 1894 года Александр III стремительно угасал от заболевания почек. 26-летний Николай Александрович запомнит слова, сказанные отцом на смертном одре: «Тебе предстоит взять с моих плеч тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки... Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда

с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц»¹⁴¹. 1 ноября 1894 года императора на стало.

Для Владимира Ульянова мало что изменилось. Теперь ему просто предстояло заняться свержением уже следующего императора. Николая II.

Во время рождественских каникул 1894/95 года на собрании на той же Охте с Ульяновым встретились первые знакомцы среди легальных марксистов, его сверстники Петр Бернгардович Струве и Александр Николаевич Потресов. Дворянин, генеральский сын Потресов учился в Петербургском университете – сначала на естественно-научном, затем юридическом факультете. Внук создателя Пулковской обсерватории, сын пермского (а до этого иркутского и астраханского) губернатора, Струве проделал ту же образовательную траекторию, после чего пополнял знания в австрийском Граце. Важным связующим звеном легальных марксистов с подпольем выступала Александра Михайловна Калмыкова, вдова сенатора, «имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и ВИ. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги старую “Искру”, вплоть до II съезда»¹⁴².

Нашему герою не было и 25 лет, но Потресову он показался гораздо старше своих лет: «Он был молод – только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока – тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлюбья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос... У молодого Ленина на моей памяти не было молодости... Мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же “лысый” и “старый”, каким он нам представлялся в 95-м году».

На этом собрании на Охте речь шла о книгах Струве «Критические заметки» и Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Потресов вспоминал: «Ленин, вскользя чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова – Бельтова, с той же большой энергией, со всей ему свойственной ударностью, направил свою критику против Струве»¹⁴³. Пикантность происходившему придавало присутствие при сем самого Струве, который припоминал: «Прочтя краткое резюме своей статьи упомянутой группе лиц, Ленин прочел ее целиком мне одному у меня в комнате на Литейном»¹⁴⁴.

Впечатление Потресова: «Большая сила, но в то же время и что-то однобокое, однотонно-упрощенное и упрощающее сложности жизни... И тогда же в разговоре о нем произнесено было слово – сектант. Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную сектантскую выучку! Сектант-марксист!.. И не суждено ли марксизму в конечном счете победить сектантство – победить особенно в человеке, в котором чувствуется такая внутренняя сила, такая незаурядная логика, такая выдающаяся подготовка?»¹⁴⁵. Потресов надежды не терял.

Действительно, Ульянов выделялся из общей марксистской среды. У него была идея фикс. Революция. Петр Павлович Маслов, позднее ставший меньшевиком и советским академиком, утверждал: «Когда в 1895 году в Петербурге я встретил ВИ в литературном кружке марксистов и заговорил о чем-то с П. Б. Струве по поводу революционных вопросов и дел, он меня сразу прервал:

– Об этих делах нужно говорить с ВИ».

Его идеологический и этический багаж, утверждал Маслов, был прост:

«– Что есть истина?

– То, что ведет к революции.

– Что нравственно?

– То, что ведет к революции.

– Кто друг?

- Тот, кто ведет к революции.
- Кто враг?
- Тот, кто ей мешает.
- Что является целью жизни?
- Революция.
- Что выгодно?
- То, что ведет к революции»¹⁴⁶.

Кржижановский подтверждал, что уже тогда в Ленине проснулся «грозный полемист, гневно ниспровергающий все то и всех тех, кто становится на путях пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли»¹⁴⁷. В этом идейном багаже не находилось места для такого понятия, как человеческое счастье.

В апреле 1895 года в петербургской типографии вышел сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», под обложкой которого ужились две статьи Плеханова и по одной – Ульянова (под псевдонимом К. Тулин), Струве, Потресова, Скворцова и других. Это был первый опыт симбиоза эмигрантского, легального и подпольного марксизма в России.

Вскоре у Ульянова появилась возможность приобрести личный опыт подобного симбиоза: ему наконец удалось обзавестись заграничным паспортом.

Он поспешил отправиться за границу, пообщаться с марксистским зарубежьем, а заодно поправить здоровье. Заботливая Мария Ильинична замечала, что в Петербурге ее брат «впервые был лишен семейных удобств: пришлось жить в комнатах, питаться в столовых. Сказалась на его здоровье и нервная работа революционера. Он нажил себе скоро катар желудка, от которого не скоро мог избавиться»¹⁴⁸. 2 (14) мая 1895 года Владимир сообщал матери из Зальцбурга: «По “загранице” путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*... Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык». 8 (20) мая двинулся в Швейцарию, «начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона»¹⁴⁹.

Но это для мамы и для заинтересованных читателей из Департамента полиции. Ульянов, естественно, ничего не писал о не менее важной цели поездки в Швейцарию – познакомиться с лидерами «Освобождения труда». Первым среди них по праву считался Плеханов, сын отставного штабс-капитана, выпускник юнкерского училища и Горного института в Петербурге. Ему было уже под сорок. «Совсем европеец, культурный, образованный серьезный марксист несколько академического типа»¹⁵⁰, – вспоминала неоднократно встречавшаяся с ним поэтесса Зинаида Гиппиус.

В Лозанне через родственников Классона Ульянов раздобыл адрес Плеханова и направился к нему в Женеву. Свидетелем их первой встречи был Евгений Игнатьевич Спонти, отметивший, что Ульянов «был очень сдержан, держал себя с большим достоинством... говорил мало, вернее, ничего, кроме необходимых в общем разговоре реплик». Очевидно, что довлел моральный авторитет предводителя русских марксистов. Владимир подарил Плеханову своих «Друзей народа», тот «бегло посмотрел брошюру и заметил: «Да, это, кажется, серьезная работа»¹⁵¹.

Плеханов произвел на молодого человека исключительно сильное впечатление, тот ощутил нечто сродни «юношеской влюбленности». Ленин напишет, что тогда и он, и его приятели «были влюблены в Плеханова»¹⁵². Со стороны Плеханова чувствовался некоторый холодок. В этом пока не было ничего личного, Плеханов всегда держал дистанцию, особенно когда имел дело с досаждавшей ему молодежью из России. Большевики и люди к ним близкие единодушно будут инкриминировать Плеханову то, что можно объединить словом «барство». Горький, сам

человек талантливый и тщеславный, характеризовал его: «Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызывал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем “аристократизма”»¹⁵³.

Для конкретных переговоров Плеханов отправил Ульянова к Аксельроду, который проживал в Цюрихе. С ним найти общий язык оказалось гораздо проще. Аксельрод на неделю увез ВИ в деревушку Афольтерн, где они вместе гуляли по окрестностям, поднимались «на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших общих вопросах». Аксельрод развивал идею о необходимости создания в России партии, которую ему с Плехановым было бы не стыдно представлять в Интернационале. Договорились о переписке, об издании в Петербурге нелегальной рабочей газеты, а в Швейцарии сборника «Работник», куда материалы будут присылать о России. Пospорили о теории и не сошлись в отношении к либералам. Аксельрод, как и Плеханов, считал либералов возможными союзниками социалистов, Ульянов – однозначно противниками¹⁵⁴. Аксельрод, гражданин Швейцарии, был от той встречи в восторге: «Я тогда почувствовал, что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом – таких было очень много, – но он знал, что он хочет сделать и как это надо сделать. От него пахло русской землей»¹⁵⁵.

Из Швейцарии Ульянов едет в Париж. 25 мая (6 июня) сообщает матери: «Впечатление производит очень приятное – широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно, – так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости. Чтобы посмотреть как следует, придется провести несколько недель»¹⁵⁶. Помимо достопримечательностей его интересует в первую очередь встреча с Полем Лафаргом, зятем Маркса и культовой фигурой для любого марксиста, тем более начинающего. И встреча состоялась. О ней Ульянов поведает Мартову:

«– Чем же вы занимаетесь в этих кружках? – спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

– И они читают Маркса? – спросил Лафарг.

– Читают.

– И понимают?

– И понимают.

– Ну, в этом-то вы ошибаетесь, – они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»¹⁵⁷. Маркса, как я полагаю, и в СССР не поймут после 70 лет изучения при советской власти.

С помощью Лафарга Ульянов надеялся познакомиться с Энгельсом и даже собирался ехать к нему в Лондон. Но тот был уже серьезно болен и никого не принимал. Поэтому, поработав немного в парижской Национальной библиотеке, Ульянов вернулся в Швейцарию. Откуда 6 (18) июля писал матери: «С того времени я многоноcko пошлялся и попал теперь... на один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более что врача-специалиста, который содержит курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение, видимо, дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда»¹⁵⁸.

Был ли Ульянов действительно на курорте, история умалчивает. Но известно, что вместе с Плехановым, Александром Воденом и подтянувшимся из России Потресовым он отправился в горную деревушку Ормоны. Потресов напишет, что там они проводили время в «прогулках и бесконечных разговорах на ходу». Плеханов ему показался куда более интересным собеседником. «По сравнению с широким умственным кругозором Плеханова, с его всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливого реагирования его ума, Ленин казался таким серым и тусклым во всем, что не входило непосредственно

в сферу той социальной проблемы, в которой помещалась целиком и без остатка проблема всей его жизни... С Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся...»¹⁵⁹.

А путь Владимира лежал дальше – в Германию. 10 (22) августа он писал матери из Берлина: «Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня – Tiergartiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпрее, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги... Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской... Если ты послала уже мне денег, то напиши, пожалуйста, мне об этом тотчас же; а если нет, то пошли сюда».

Похоже, здесь Ульянова застало известие о смерти Энгельса, сел писать некролог. В залах Прусской государственной библиотеки Владимир познакомился с новинками марксистской литературы. Походил на рабочие собрания. 17 (29) августа он вновь рассказывал и жаловался Марии Александровне: «Занимаюсь по-прежнему в Koenigliche Bibliothek, а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи... Да и вообще шлянье по различным народным вечерам и увеселениям нравятся больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п. ... К великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда»¹⁶⁰.

Ульянов ждал встречи с одним из лидеров Германской социал-демократической партии – Вильгельмом Либкнехтом. Она стала возможна благодаря письму Плеханова: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее»¹⁶¹. Судя по всему, речь на встрече шла о возможности издания в Германии нелегальной литературы и переправки ее в Россию.

И, наконец, письмо матери 26 августа (7 сентября): «Получил сегодня твое письмо с деньгами, дорогая мамочка, и благодарю за него... Обжился уже настолько, что чувствую себя почти как дома, и охотно остался бы тут подольше, – но время подходит уже уезжать... Я чувствую, что следует закупить всякой дряни»¹⁶². 7 (19) сентября 1895 года Ульянов возвращается в Россию через станцию Вершболово. «Его желтый чемодан с двойным дном, наполненный запретной печатной продукцией, был сработан немцами отлично. И начальник пограничного отделения докладывает в департамент полиции, что по самому тщательному досмотру багажа Ульянова ничего предосудительного не обнаружено»¹⁶³.

Аксельроду Ульянов поведал про свои последующие путешествия: «Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку... Далее. Был в Москве. Там громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал – описание нескольких стачек. Вышли. Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе...»¹⁶⁴. Это уже похоже на отчет в центр о проделанной подрывной работе.

Анна Ильинична встретила его по приезде в Россию. «ВИ был очень доволен своей поездкой... Он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные»¹⁶⁵. Плеханов же позднее откровенничал: «Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что этот

человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения»¹⁶⁶.

Вернувшись в Петербург, Ульянов поселился в Большом Казачьем переулке, неподалеку от Сенного рынка. Он все еще числился помощником присяжного поверенного. «Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным судам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца, – подтверждала Анна Ильинична. – В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился»¹⁶⁷.

Как литератор Ульянов был чрезвычайно плодовит. Он стремительно покрывал своим мелким угловатым почерком толстые тетради, в которых доставалось в основном по-прежнему народникам. Однако основные усилия Ульянова были теперь направлены на создание новой, первой на территории России социал-демократической организации. После его возвращения в столицу, писал Кржижановский, связи с группой «Освобождение труда» помогли питерским социал-демократам «расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с Мартовым, доктором Ляховским, а также с социал-демократическими кружками в Н.-Новгороде, Москве, Ивано-Вознесенске, Вильне и в некоторых волжских городах»¹⁶⁸. То, что войдет в историю как «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», сложилось в ноябре 1895 года из двух групп, одну из которых возглавлял Ульянов, другую – Мартов.

Юлий Осипович Мартов (Цедербаум) родился в Стамбуле в очень богатой семье. Его дед был основателем первых еврейских газет и журналов в России, отец работал в Русском обществе пароходства и торговли, был корреспондентом «Петербургских новостей» и «Нового времени». Учился Мартов, как и Потресов со Струве, на естественном отделении физмата Санкт-Петербургского университета, откуда его исключили за распространение нелегалщины и выслали в Литву. Отбыв наказание, Цедербаум вновь вернулся в столицу.

На Мартова наш герой произвел тогда благоприятное впечатление. «В. Ульянов был еще в той поре, когда и человек крупного калибра, и сознающий себя таковым, ищет в общении с людьми больше случаев самому учиться, чем учить других. В этом личном общении не было и следов того апломба, который уже звучал в его первых литературных выступлениях, особенно в критике Струве... Но и в отношениях к политическим противникам в нем сказывалась еще изрядная доля скромности»¹⁶⁹.

Вновь созданная организация начала подпольные операции и агитацию раньше, чем успела оформиться. Неподписанная листовка к бастовавшим рабочим шерстяной фабрики Торнтон (автор – Ульянов) была ее первым обращением вовне¹⁷⁰. За ней в столице стали появляться и другие марксистские печатные прокламации. Вспоминал Шелгунов: «Их было выпущено четыре или пять... Под ними стояла подпись “Группа социал-демократов”. ВИ поставил вопрос о том, что нужно создать организацию». Ее основы закладывались на тайных встречах на снятой Шелгуновым конспиративной квартире¹⁷¹.

От прокламаций решили перейти к газете. В первый номер планировавшейся к изданию «Рабочей газеты» была заверстана написанная Ульяновым передовица «О чем думают наши министры?»¹⁷². Но первыми читателями газеты стали не трудящиеся столицы, а сотрудники спецслужб, которые на этом этапе и пресекли деятельность Ульянова с коллегами. Сильвин запомнил «торжественное собрание всего нашего кружка на квартире Степана Ивановича Радченко 6 декабря 1895 года, где читался первый номер “Рабочего дела”, все статьи которого принадлежали членам нашего кружка, включая Мартова... Этот номер в рукописи был арестован в ночь на 9 декабря у Ванеева, который должен был передать его в типографию»¹⁷³. Крупская немного иначе описывала фабулу событий: «8 декабря было у меня на квартире заседание,

где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня»¹⁷⁴.

Девятого декабря пошли аресты, в тюрьме оказалась добрая половина организации, включая и Ульянова. Так появились новые «декабристы». «Чтобы доказать, что полиция ошиблась в адресе», и тем облегчить участь арестованных товарищей, оставшиеся, с Мартовым во главе, решили ускорить официальное оформление организации: 15 декабря была выпущена прокламация, впервые обращавшаяся к рабочим от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»¹⁷⁵.

«Двоих из нас это тюремное заключение сломило навсегда, – говорил Кржижановский. – А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу, а П. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования»¹⁷⁶. Ульянова тюрьма скорее закалила.

В доме предварительного заключения составили портрет обвиняемого: «Рост 2 арш. 5 ½ вершка (166–167 см. – В.Н.), телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, на усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины»¹⁷⁷. 21 декабря подполковник Отдельного корпуса жандармов Клыкков допрашивал обвиняемого, который играл в несознанку: «Не признаю себя виновным в принадлежности в партии социал-демократов или какой-либо партии... Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался»¹⁷⁸.

И далее в том же духе. Ни в чем Ульянов не сознается. А домой он 2 (14) января 1896 года писал: «Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справлялся об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет... Книг нужно много»¹⁷⁹. Списки специализированной литературы по социально-экономической проблематике, которые составлял заключенный Ульянов, выглядели весьма впечатляюще – от Рикардо и второго тома «Капитала» до земско-статистических сборников по Воронежской губернии. И он эти книги получал.

Анна Ильинична подтверждала: «То была полоса довольно благоприятных условий сидения... Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги – два раза... ВИ, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы – «Развитие капитализма в России»... ВИ обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма... И, вспомнив одну детскую игру, ВИ стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовил себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери...»¹⁸⁰. Этот сюжет станет хитом многочисленных детских книг о Ленине в советское время.

Еды помимо «чернильниц» хватало. «Получил вчера припасы от тебя, – сообщал он Анне, – и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной... Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги»¹⁸¹. Приглашал к себе Ульянов и дантиста.

Мария Ильинична отмечала, что, «как это ни странно может показаться», заключение в «предварилке», где Владимир пробыл больше года, положительно повлияло «в смысле его желудочной болезни»: «Правильный образ жизни и сравнительно удовлетворительное питание (за все время своего сидения он все время получал передачи из дома) оказали и здесь хорошее влияние на его здоровье. Конечно, недостаток воздуха и прогулок сказался на нем – он сильно побледнел и пожелтел, но желудочная болезнь давала меньше себя знать, чем на воле»¹⁸².

На свободе жизнь шла своим чередом. Дмитрий Ульянов летом 1896 года «давал уроки в Смоленской губернии, а мама и сестры (Анна Ильинична и Мария Ильинична) жили в Финляндии на даче, где-то у Белоострова, для того, чтобы быть ближе к Питеру... так как он продолжал сидеть, и они организовали ему передачи... Осенью я приехал в Питер на пару дней и ходил на свидание»¹⁸³. «Союз борьбы», несмотря на аресты, продолжал функционировать. «Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 г., прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову»¹⁸⁴, – замечала Крупская, также поддерживавшая заключенного.

Как замечал Леонид Млечин, «поначалу Крупская была для Ленина, говоря современным языком, заочницей, то есть женщиной на воле, которой зэки пишут обширные и жалостливые послания: ВИ переписывался с ней, сидя в петербургской тюрьме. Как это принято среди заключенных, стал называть ее невестой, ведь обычно заочницам обещают, выйдя на свободу, жениться на них»¹⁸⁵.

Приговора ждали с волнением, не исключали длительной каторги. Поэтому, как свидетельствовала Анна, вынесенный в феврале 1897 года «приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением»¹⁸⁶. Как итог очередных хлопот матери, Владимиру разрешили отправиться в Сибирь не по этапу, а своим ходом, и он был избавлен от скитаний по пересылочным тюрьмам. Ехал долго и не без удобств.

Три дня он мог вкушать столичную жизнь в компании коллег и товарищей, а потом ему разрешили держать путь через Москву. Там он задержался даже дольше установленного срока в семейном кругу. «Жил он у нас на Собачей площадке и ходил каждый день с утра в Румянцевский музей... потому что хотел использовать материал для работы “Развитие капитализма в России”, – запомнил брат Дмитрий. – Он брал с собой Марию Ильиничну, чтобы она ему помогала делать выписки»¹⁸⁷.

Родня распрощалась с Владимиром 22 февраля. «Он обещал писать домой часто и действительно писал нам чаще, чем в другие периоды своей жизни». Мать хотела ехать за непутевым сыном. «ВИ поощрял больше план съездить нам обеим с мамой на лето в Швейцарию, куда убеждал сестру Марию Ильиничну ехать еще раньше, бросив гимназию, плохо отражавшуюся на ее здоровье. Этот план, в конце концов, и осуществился»¹⁸⁸, – рассказывала Анна Ильинична.

Путь ссыльного лежал – без полицейского эскорта – железной дорогой в Сибирь. 2-го марта Ленин писал матери со станции Обь: «Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожидал... Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до С.-Петербурга и то измают. Дело, вероятно, в том, что и здесь все ночи без исключения прекрасно сплю».

Вообще-то Ульянову проходным свидетельством был назначен город Иркутск. Но, доехав до Красноярска, он написал прошение иркутскому генерал-губернатору «разрешить мне остаться в городе Красноярске впредь до распоряжения о назначении мне места жительства... Вместе с тем я ходатайствую о назначении мне места жительства, ввиду слабости моего здоровья, в пределах Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе». В ожидании решения Владимир задержался на пару месяцев в Красноярске. Сестре Марии он сообщал 27 марта: «...Живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку, за город, шляюсь

просто по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, – одним словом, все как быть следует».

О том, что местом ссылки будет Шушенское, неофициально стало известно 17 апреля, о чем Владимир сообщал сестрам: «Лето я проведу, следовательно, в “Сибирской Италии”, как зовут здесь юг Минусинского округа... Между тем и здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии... Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно – тем более что живу на полном пансионе»¹⁸⁹.

В Красноярске воссоединился с другими «декабристами», которые «были разосланы по другим селам. В худшие условия попал – очевидно как еврей – Ю. О. Цедербаум. Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск...»¹⁹⁰. Остальные товарищи по несчастью расселились неподалеку. Кржижановский рассказывал: «Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия... Мы со Старковым при этом были назначены в село Тесинское, а ВИ в село Шушенское, находившееся от нас в расстоянии, несколько большем 100 верст»¹⁹¹.

«Шу-шу-шу – село недурное, – писал Владимир сестрам 18 мая. – Правда, лежит оно на довольно голом месте, но недалеко (версты 1½ – 2) есть лес, хотя и сильно повырубленный... На горизонте – Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стает. Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножья Саяна...”, но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!» На этом поэтический пыл Ленина навсегда погас, так и не вспыхнув ярким светом.

В плохом настроении окружающая действительность представлялась менее поэтично. «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных – все как быть следует. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1–1½ от села (точнее, от *меня*: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея прохода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет»¹⁹².

Ни в чем серьезно не нуждался, жизнь в Сибири была дешевой. «Например, ВИ за свое “жалованье” – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, – и то считалось, что дорого платит, – расскажет Крупская. – Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для ВИ убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница... рубила купленное мясо на котлеты для ВИ, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для ВИ, и для его собаки, прекрасного гордона – Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке»¹⁹³. В годы «военного коммунизма», когда по инициативе Ленина у крестьян отберут все «излишки» продовольствия, сопротивление советской власти в Сибири будет особенно сильным.

Летом мать и сестра поехали отдыхать в Европу. Переписка из Шушенского шла с Варшавой, швейцарскими курортами. А ссыльный жаловался, что «жизнь слишком однообразна... день ото дня отличается только тем, что сегодня читаешь одну книгу, завтра – другую; сегодня идешь гулять направо от села, завтра – налево; сегодня пишешь одну работу, завтра – другую. Здоров я, конечно, вполне, охочусь иногда». Была возможность и путешествовать для встреч с товарищами, и принимать их у себя.

Вернувшись от Кржижановского и Старкова, 30 сентября писал матери: «Тесинцы устроились отлично. Занимают прекрасную квартиру в большом двухэтажном доме (в Шуше и дома-

то такого нет), лучше в селе. Занимают весь верх, 4 больших комнаты с кухней и прихожей в придачу». На Рождество 1897/98 года уже Кржижановский приезжал в гости, и Ульянов рассказывал, что «праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней». Кржижановский пел, «так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом»¹⁹⁴.

Ульянов был полон творческих замыслов. Тем более что публиковаться даже ссыльным было где. К весне 1897 года в руки марксистов перешел петербургский ежемесячный журнал «Новое слово», в котором наряду со статьями Ульянова, Струве и Туган-Барановского впервые стали появляться статьи Мартова, в художественном отделе видное место занял молодой Максим Горький¹⁹⁵. 24 января 1898 года Ульянов писал сестре Анне: «У меня теперь в голове все планы об издании своих статей особой книгой... Озаглавить бы можно хоть: “К оценке романтических учений народничества”».

Романтические чувства посещали не только народничество. 8 января административно-ссыльный Ульянов телеграфировал в Петербург директору Департамента полиции: «Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское». Родные уже интересовались перспективами приглашения на свадьбу с невестой «декабриста». «Какая быстрая! – отвечал он Анне. – Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства – мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и “приглашай!”»¹⁹⁶.

Создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) обошлось без Ленина. Первый, учредительный съезд прошел в Минске 1–3 (13–15) марта 1898 года, участвовали 9 человек, представлявших «Союзы борьбы» Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава, а также «Рабочую газету» и еврейский Бунд. В Манифесте съезда, составленном Струве, говорилось, что «полная свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она – основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение». Съезд выбрал Центральный комитет (ЦК) партии (в составе Степана Радченко от «Союза освобождения», Арона Иосифовича Кремера – от Бунда и Бориса Львовича Эйдельмана – от «Киевской рабочей газеты»), объявил «Рабочую газету» ее Центральным органом (ЦО), постановил начать издание брошюр, поручив их редактирование Ульянову, и возложить представительство партии за границей на «Союз русских социал-демократов», основанный в 1895 году группой «Освобождение труда».

Однако уже через несколько недель прошли аресты, снесшие зачаточные основания юной партии. За решетку попали и свежизбранный ЦК, и Центральный комитет Бунда, и представители ряда местных организаций. Была потеряна и нелегальная типография, в которой намеревались печатать «Рабочую газету». «От только что основанной “партии” остались лишь ее “манифест” и название, подхваченное местными организациями, которые именно с этого времени начали множиться и расти и, одна за другой, превращаться из “Союзов борьбы” в “комитеты РСДРП”»¹⁹⁷. Мельчайшие капельки ртути, рассеянные по просторам России и некоторым европейским столицам, начали стекаться в каплю, называвшую себя РСДРП.

И сразу же, не успев возникнуть, российская социал-демократия (эсдеки) стала колотиться. Началась полемика между умеренными социал-демократами, получившими потом название «экономистов» и выступавших за защиту социально-экономических прав трудящихся, за осторожную просветительскую работу в кружках и группировавшихся вокруг журнала «Рабочее дело»; и сторонниками политической борьбы, революционной агитации против царизма, организации стачек с помощью листовок, которых стали называть «левыми», или «революционными», социал-демократами, во главе с Плехановым и группой «Освобождение труда». Стоит ли говорить, где окажется Ульянов.

Среди задержанных властями по итогам I съезда была и Крупская. «Мне дали три года Уфимской губернии, я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил ВИ, для чего объявилась его “невестой”»¹⁹⁸. 8 марта 1898 года Ленин писал матери: «С Надеждой Константиновной пришли мне, пожалуйста, побольше финансов... Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу. К осени, вероятно, получу за перевод достаточно для покрытия долгов...»¹⁹⁹.

Крупская вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной объявилась в Шушенском 7 (19) мая. Как вспоминала Надежда, «мы приехали в сумерки; ВИ был на охоте. Мы выгрузились, нас повели в избу. В Сибири – в Минусинском округе – крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната ВИ хоть и невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. Наконец, вернулся с охоты ВИ. Удивился, что в его комнате свет... Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я навстречу ему из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь»²⁰⁰.

Владимир через пару дней делился с Марией Александровной: «Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно – придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала:

– Эх Вас разнесло! – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»

Крупская же рассыпалась в комплиментах жениху (в письме Марии Ильиничне): «Помоему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька говорит: “пан Ульянов всегда весел”». А 14 июня Крупская сообщала будущей свекрови: «Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают»²⁰¹.

Полагаю, в планы Ульянова не входила женитьба. В письме матери он был откровенен: «Н.К., как ты знаешь, поставила трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад, в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем “хлопоты” (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать)»²⁰². Бракосочетание затягивалось. Владимир то ли жаловался, то ли оправдывался: «Промение о высылке необходимых документов я подал почти месяц назад и в Минусе сам ходил справляться к исправнику о причинах волокиты. Оказалось (сибирские порядки!), что в Минусе нет *до сих пор* моего статейного списка... Придется выписывать его из Красноярска... Во всяком случае, раньше июля свадьба теперь состояться не может»²⁰³.

Брак был зарегистрирован 10 (22) июля. На свадьбу подъехали Кржижановский, Старков, другие ссыльные, но свидетелями выступили шушенские обитатели – Ермолаев и Журавлев. Поздравление поступило и от Аполлинарии Якубовой, отбывавшей ссылку под Красноярском. Молодые обвенчались, но обручальных колец никогда не носили. И ночевать предпочитали в разных комнатах.

Справили новоселье. «Так как у Зыряновых мужики часто напивались пьяными, да и семейным образом жить так было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре на другую квартиру – полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой... В огороде выросла у нас всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква; очень я гордилась своим огородом. Устроили из двора сад – съездили мы с Ильичем в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худющая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство»²⁰⁴. Детский труд борцы за свободу запретят позднее.

Сами же ссыльные занялись чтением, прогулками и литературным трудом. Совместными усилиями молодожены принялись за переводы, взяв для начала книгу супругов Вебб о британском тред-юнионизме. Но при этом Крупская жаловалась Марии Ильиничне: «Вот нам с Володей с языками беда, оба плоховато их знаем, возмемся с ними, возмемся, а все знаем плохо. Опять принялись за английский. Который это уже раз!»²⁰⁵. При плохом знании английского помог немецкий перевод. «С утра мы брались с ВИ за перевод Вебба, который достал мне Струве... Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели ее в срок – в две недели»²⁰⁶.

Ульянов публиковался. «Он во время ссылки написал и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале “Новое слово” и собранных затем в одну книжечку...»²⁰⁷. Этот сборник его произведений – «Экономические этюды и статьи» – вышел в Петербурге в 1898 году. Автором значился Владимир Ильин.

В Шушенском он скоро стал личностью популярной – как знаток законов – после того, как «помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды... Собственно говоря, заниматься юридическими делами ВИ не имел права как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные. Никакого надзора фактически не было».

Прогулки, охота. Защитникам животных и любителям дикой природы не рекомендую читать следующий отрывок из воспоминаний Крупской: «ВИ был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было!.. ВИ был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. ВИ говорит:

– Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести.

Выбегает заяц, ВИ палит. Поздней осенью, когда по Енисею шла шурга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники».

Ссыльные продолжали активную светскую жизнь. «Получали письма из далекой ссылки – из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова... Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жили Лепешинский, Ванеев, Сильвин...; в 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский»²⁰⁸. Владимир съездил в Красноярск, откуда сообщал 16 сентября: «Поездкой своей сюда я очень доволен: вылечил себе зубы и проветрился несколько после 1½- годового шушенского сидения. Как ни мало в Красноярске публики, а все-таки после Шуши приятно людей повидать и поразговаривать об охоте и о шушенских “новостях”».

Рождество начинающее семейство отпраздновало в Минусинске. «На Рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретили большой компанией, и встретили очень весело... Сварили глинтвейн; когда он был готов, поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью, пели все, кто во что горазд, провозглашали всякие хорошие тосты: “за матерей”, “за отсутствующих товарищей” и т. д., а в конце концов плясали под гитару».

Третьего марта 1899 года Ульянов писал матери: «Посылаю тебе сегодня, дорогая мамочка, остальные две тетради своих “рынков”... Наконец-то покончил я с работой, которая одно время грозила затянуться до бесконечности». Из тетрадок вышла книга «Развитие капитализма в России». Опубликовать помог Струве, более того, именно он и дал ленинскому труду это название. Хотя оно автору не понравилось: «Надо бы поскромнее, чем “Развитие капитализма в России”. Это слишком смело, широко и многообещающе»²⁰⁹. А Струве не понрави-

лась сама книга, она наводила на него «эстетическое уныние», поскольку в ней отсутствовало какое-либо «движение мысли»²¹⁰.

По весне ульяновская родня было собралась провести молодоженов в Шушенском. Владимир идею поддерживал: «Как дача, Шуша ничего себе, немногим хуже, я думаю (если хуже), других дач. Вопрос только в дороге»²¹¹. Но в дорогу так никто и не собрался.

В августе Ленин получил из Петербурга от сестры Анны манифест группы «экономистов» во главе с Екатериной Дмитриевной Кусковой, названный «Credo “молодых”». Ленин написал ответ, ставший известным как Anti-Credo, или «Протест российских социал-демократов», под которым подписались еще 19 единомышленников. Ленинский ответ стал широко известен в узких революционных кругах. Мартов рассказывал: «Появление “Credo” оживило мою переписку с В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым... В конце последнего года ссылки я получил поэтому от В. И. Ульянова письмо, к котором он мне глухо предлагал “заключить тройственный союз”, в который входили бы, кроме нас двух, еще А. Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и “экономизмом”. Этот союз, прежде всего, должен соединить силы с группой “Освобождение труда”»²¹².

У Ленина в голове уже существовал четкий организационный план. Он пришел к выводу, что в России сложился достаточный уровень капиталистических отношений, чтобы обеспечить определяющую роль пролетариата в революционном движении. Центральные звенья его плана – партия и нелегальная газета. «...Идея не только деятельного участия социал-демократии в политической борьбе, но ее руководящего участия, ее гегемонии, как представительницы рабочего класса, и была той платформой, на которой в годы ссылки, путем переписки, подготавлился, а по окончании ссылки в 1900 году осуществился «тройственный союз» наиболее талантливых деятелей старого петербургского “Союза борьбы” – Ленина, Мартова и Потресова – для “завоевания партии”. Орудием этого завоевания должна была служить намеченная к изданию за границей, совместно с группой “Освобождение труда”, большая политическая газета»²¹³ – писал Федор Дан.

Теперь Ленин переживал, чтобы только не застрять в ссылке. Подтверждала супруга: «ВИ перестал спать, он страшно исхудал». И в это время нагрянула полиция. «Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предложением и не накинули еще несколько лет ссылки. Побег был еще тогда не так обычен, как позднее, – во всяком случае, это бы осложнило дело». Обошлось.

Срок ссылки истек 29 января (10 февраля) 1900 года. Как пишет Крупская, «мы двинулись в Россию». Сибирь, как видим, Россией не считали. Не отходившую от Владимира собаку Женьку бросили, оставив соседям. Доехали сначала до Минусинска, где собрались возвращавшиеся ссыльные. «Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь. Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю»²¹⁴.

Супруги вынуждены были разделиться: у Надежды срок ссылки еще не истек, и остаток его она отбывала в Уфе. Супруг ее туда отвез, побыл пару дней и, «поговоривши с публикой и перепоручив меня с мамой товарищам, двинулся дальше, ближе к Питеру».

Из «Искры»...

Куда ехать? Незадолго до этого была арестована сестра Мария, ее занятия в Брюссельском университете были прерваны, ее выслали в Нижний Новгород. Брат Дмитрий тоже прошел по своему первому делу и жил под надзором полиции в Туле. Несчастливая мать путешествовала то в Тулу, то в Нижний²¹⁵.

Дмитрий Ильич встретил брата в Подольске. «ВИ выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки»²¹⁶. Вместе они приехали в Москву. «Мы жили в то время на окраине Москвы у Камергер-Коллежского вала, по Бахметьевский улице... Первым раздалось горестное восклицание матери:

– Как же ты писал, что поправился? Какой же ты худой!» – вспоминала Анна Ильинична.

Возвращающимся из ссылки тогда запрещалось жить в столицах и еще в шести десятках крупных городов. Ульянов еще в Сибири выбрал из оставшихся Псков, «как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым»²¹⁷.

Попытался перевести в Псков и супругу, для чего 10 (23) марта 1900 года писал директору Департамента полиции: «Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был избрать себе для жительства из немногих разрешенных мне городов город Псков, ибо только там я нашел возможным продолжить свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных, подведомственных С.-Петербургскому совету присяжных поверенных». Просил разрешить жене «отбывать оставшуюся еще треть назначенного ей срока гласного надзора не в Уфимской губернии, а в городе Пскове... Наконец, я в течение уже многих лет страдаю катаром кишок, который еще усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни»²¹⁸. Полиция ответила отказом.

А Надежда в Уфе болела. Из письма Владимира матери 6 апреля: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь». Женские болезни бывают чреваты бесплодием. Не эта ли болезнь явилась причиной того, что Ленин не оставит потомства? Кто знает...

Но зато 5 мая он не без удовлетворения информировал Марию Александровну: «Вчера получил свидетельство от местного полицмейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) и через два часа получу заграничный паспорт. Значит, двинусь летом в теплые края; немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо еще снести с редакциями и некоторыми издателями переводов и покончить некоторые денежные дела...»²¹⁹.

В планах Ульянова – ни много ни мало – созвать Второй съезд РСДРП. Он полагал, что сделать это лучше за рубежом. «Повальные аресты на юге в апреле 1900 года – и Лалаянца в том числе – убедили окончательно ВИ в невозможности созвать съезд в России, – подтверждала Анна Ильинична. – Он говорил мне об этом в июле, перед отъездом за границу...»²²⁰.

Но грандиозным планам чуть не помешал провал. Ульянов с Мартовым зачем-то рискнули – с нелегальной литературой – сунуться в Царское Село. Александром Исаевичем Солженицыным в величественном «Красном колесе» этот эпизод выделен как одна из тех точек, откуда история могла принять другую траекторию, не будь недоразумений и случайностей. Тогда «с корзинкой нелегалщины, с химическим письмом о плане “Искры”, – перемудрили, переконспирировали: полагается в пути менять поезда, не подумали, что тот пойдет через Царское, – и в нем заподозрены, взяты жандармами, и только по спасительной российской неповоротливости полиция дала им время сбыть корзину, а письмо прочла по наружному тексту,

не удосужившись поддержать над огнем – и тем была спасена “Искра”!»²²¹. А сколько еще будет таких развилок, когда случай (или Провидение?) вел Ленина, а значит, и нашу историю.

Ульянов провел в заключении с 21 по 31 мая (3–13 июня) 1900 года. Приехал в Подольск «сияющий», и «даже с заграничным паспортом в кармане, – вспоминала Анна. – Оказалось, улики не было найдено: ВИ и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург». Но погостил недолго. До отъезда за границу решил съездить в Уфу, повидаться с женой. Компанию составили мать и сестра Анна.

«И вот мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжить путь на пароходе... Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе». Задержался в Уфе около трех недель. «В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами... Мы с матерью уехали через три дня; он же оставался дольше и назад поехал по железной дороге... По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я»²²², – писала Анна.

Прибытию Ульянова сотоварищи в Европу ветераны российской социал-демократии были – поначалу – рады. Аксельрод расскажет: «Только после десяти лет активной пропаганды нам, наконец, удалось привлечь на свою сторону небольшое меньшинство молодых революционеров. В первых рядах молодых “новообращенных” был Ленин, который, отбыв срок ссылки в Сибири, вместе с Л. Мартовым и А. Потресовым приехал в 1900 г. в Швейцарию, чтобы помочь “Группе Освобождения Труда” организовать широкую пропаганду наших взглядов, литературную и личную, и объединить существовавшие тогда силы молодой русской социал-демократии»²²³.

Ульянов вновь поколесил по Старому Свету. В августе 1900 года информировал мать из Нюрнберга: «...Я писал тебе уже дважды из Парижа и теперь пишу с дороги (ездил кататься на Рейн). Я здоров и провожу время недурно: видел на днях Анюту, катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде...»²²⁴. В том же месяце в местечке Бельрив близ Женевы прошло совещание, давшее начало «Искре» и «Заре». Участвовали Плеханов, Засулич, Ульянов, Потресов, Бауман и Стеклов.

Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис) впервые встретил Ленина: «Жил он тогда в крестьянском домике недалеко от Женевы, вместе с Потресовым (Мартов временно задержался в России)... Ленин громко хохотал, изрекал беспепелляционные приговоры, но больше выпрашивал, чем говорил... Однако хотя Ленин и шутил, откидываясь назад всем телом по известному ему приему, смеялся и рассказывал анекдоты, но сразу видно было, что это прирожденный вождь, вождь, которого не только выдвинула на это место история, но который и сам прекрасно сознает свое назначение. Это чувствовалось им самим и окружающими. Нельзя было сказать, что он навязывал свою волю и личность. Это делалось как-то естественно и незаметно. Даже Плеханов, который имел гораздо более богатый революционный стаж и научное образование, перед Лениным как-то отступал на второй план»²²⁵.

И вокруг Ленина начало формироваться все расширявшееся конфликтное поле. Туган-Барановский в конце 1901 года прочитал одну из статей Ленина и делился своими ощущениями со Струве: «Боже, как все это кажется давно и по-детски наивно! Как смешно встречать этот задорный самоуверенный тон, эти запальчивые нападения на литературных противников, эту наивную уверенность, что мы нашли, наконец, самую настоящую истину, и эта истина заключена в “Капитале” Маркса... Так хотелось сказать – “маленький ты мальчик, не горячись, будь спокойнее, то, что тебе кажется верным, вовсе не так верно – жизнь неизмеримо сложнее, глубже, таинственнее, чем ты это себе представляешь”...»²²⁶.

Критики не знали, но скоро узнают, что Ленин был о них куда более плохого мнения, чем они о нем. Как и об остальных мыслителях, не придерживавшихся строгих рамок учения Маркса и Энгельса. Струве у Ленина проходил под кличкой Иуда. Потресову о статье Туган-Барановского он писал: «Черт знает что за глупый и претенциозный вздор!» Плеханову: «Из России пишут, что публика страшно увлекается *Бердяевым*. Вот кого надо бы разнести *не только* в специально-философской области»²²⁷.

«Из искры возгорится пламя», – отвечали Пушкину на его послание сосланные декабристы. Название газеты – а это почти полдела – было готово. Редакцию «Искры» составили на паритетных началах из двух троек – Плеханов, Аксельрод, Засулич и Ленин, Потресов, Мартов. Секретарем редакции «Искры» была сначала Инна Гермогеновна Смидович. С весны 1901 года – Крупская.

Место выхода газеты определялось возможностями издания. Свидетельствовал видный уже на то время российский и немецкий социал-демократ Александр Львович Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд): «Когда Ленин, Мартов и Потресов посетили меня в Мюнхене и представили план издания газеты “Искра”, я убедил их осесть в Мюнхене и именно так издавать свою газету. При этом я преследовал цель сблизить редакцию, состоящую из интеллигентов, с массовым рабочим движением немецкой социал-демократии»²²⁸. В Мюнхене под чужими именами поселились Ульянов и Потресов, к которым вскоре присоединились Мартов и Засулич, а «тайный набор и печатание газеты, первый номер которой вышел в декабре 1900 года, производились в Штутгарте, при известной социал-демократической типографии Дитца»²²⁹.

«Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо решительно и определенно размежеваться»²³⁰. Этим парадоксальным принципом Ленин будет руководствоваться всю свою жизнь. На сей раз он уже размежевывался с грандами российской социал-демократии.

Ульянов, Мартов и Потресов позиционировали себя как самостоятельную группу. Это был очередной «ленинский ЦК» (или Политбюро, кому как нравится). «Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу. Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа “Освобождение труда”, но отсюда *никто не вправе заключать*, что мы *теряем хоть частичку нашей самостоятельности*», – объяснял Ленин в сентябре 1900 года.

В «Заявлении редакции» в первом номере «Искры» он писал, что видит социал-демократию не как агитатора в стихийной борьбе пролетариата за свои права, а «как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своими знаменами все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом». Для этого годятся любые средства, «лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях»²³¹.

У Крупской кончался срок ссылки, и Ленин отправился в российское консульство в Вене (в Мюнхене консульства не было, да и сам он шифровался, делая в переписке вид, что жил не в Мюнхене, а в Праге) хлопотать о выдаче ей загранпаспорта. Крупской с паспортом не отказали, и вскоре она появилась в Мюнхене и приступила к бурной деятельности. Именно она оказалась в центре сети, которую начали плести искровцы, а точнее – сам Ленин.

«Когда я приехала в Мюнхен, ВИ жил без прописки у... Ритмейера, назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был содержанием пивной, но был социал-демократом и укрывал ВИ

в своей квартире... ВИ, когда я приехала, рассказал, что он провел, что секретарем “Искры” буду я, когда приеду. Это, конечно, означало, что связи с Россией будут вестись все под самым тесным контролем ВИ. Дело было организовано так: письма из России посылались на различные города Германии по адресам немецких товарищей, а те все пересылали на адрес доктора Лемана, который все уже пересылал нам... Транспорта для перевозки “Искры” в Россию еще не было. “Искра” перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с различными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки»²³².

Газету планировалось доставлять в Россию, перепечатывать в нелегальных типографиях и распространять, словами Ленина, через собственную «социалистическую почту», опираясь на сеть корреспондентов, агитаторов и иного рода «агентов». Чем должны заниматься агенты, Ленин объяснял одному из них – Виктору Павловичу Ногину: «1) перевозка через границу литературы; 2) развозка по России; 3) организация рабочих кружков для распространения газеты и доставки сведений и т. п., т. е. вообще организация распространения газеты и организация тесных и правильных связей между ней и отдельными комитетами и группами».

Дела шли неважно. Жалобы на нехватку ресурсов почти во всех ленинских письмах того времени. Ульянов умолял Дана 22 марта: «Собирайте деньги. Мы доведены почти до нищенства, для нас получение крупной суммы – вопрос жизни». 24 марта: «Финансы – совсем швах, Россия не дает почти ничего. Перевозка – по-прежнему совершенно не налажена и случайна»²³³.

В четвертом номере «Искры» – в мае 1901 года – Ульянов публикует «С чего начать?». Он убеждал, что «исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, – должна быть постановка общерусской политической газеты». Газета – это «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Сеть ее агентов «будет остоном именно такой организации»²³⁴. Такой общероссийской газетой Ленин уже видел «Искру».

Редколлегия собиралась каждый день. «В начале первого – после обеда – приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил, не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую... Для “Искры” Мартов был прямо незаменим. ВИ страшно уставал от этих ежедневных 5–6-часовых разговоров, делаясь от них совершенно болен, неработоспособен... Потом приехал Дан с женой и детьми»²³⁵.

Потресов описывал трудности работы с Лениным: «Атмосфера общения с ним была в корне отравлена тем, что Ленин, в сущности, органически не переваривал мнений, отличных от его собственных. Поэтому всякое редакционное разногласие имело тенденцию превращаться в конфликт с резким ухудшением личных отношений, с открытием военных действий, с стратегическими хитростями и неистовыми усилиями дать, чего бы то ни стоило, перевес своим взглядам»²³⁶. Приезжал Струве. «ВИ отказался его видеть, – замечала Крупская. – Струве был страшно обижен. Пахло какой-то тяжелой Достоевщиной»²³⁷.

Ленин все сильнее подтягивал «искровское» одеяло на себя. Троцкий напишет: «Политическим руководителем “Искры” был Ленин. Главной публицистической силой газеты был Мартов... Связи с Россией Ленин сосредоточил в своих руках. Секретарем редакции была жена его, Надежда Константиновна Крупская. Она стояла в центре всей организационной работы, принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала, расшифровывала. В ее комнате почти всегда был слышен запах жженой бумаги от нагревания конспиративных писем»²³⁸.

Крупская плела сеть «искровцев» за границей и в России. В Европе незаменимы были Инна Смидович (конспиративная кличка – Димка) и ее брат Петр Гермогенович (Матрена) – специалисты по конспирации и поддельным паспортам. В Самаре действовали Кржижановский

(Клэр, Брут) и его супруга Зинаида Павловна (Улитка), Мария Ильинична Ульянова (Медвежонок). Ленгник (Куриц) работал в Полтаве, а затем в Киеве; Лидия Петровна Книпович (Дяденька) – в Астрахани; Лепешинский (Лапоть) и Любовь Николаевна Радченко (Паша) – в Пскове; Бауман (Виктор, Дерево, Грач) и Бабушкин (Богдан) – в Москве; Елена Дмитриевна Стасова (Гуща, Абсолют) – в Петербурге. Транспорт с изданиями и корреспонденцией шел через Вильно. На «Искру» работала типография в Баку, за которую отвечали братья Енукидзе под руководством Красина (Лошадь). Развозными агентами «Искры» были Иван Иванович Радченко (Аркадий, Касьян), Сильвин (Бродягин).

«Была переписка с агентами “Искры” в Берлине, Париже, Швейцарии, Бельгии. Они помогали, чем могли, отыскивая соглашающихся брать чемоданы, добывая деньги, связи, адреса и т. д.»²³⁹.

Лето 1901 года Ульянов с супругой решили провести в городе, не перебираясь на лоно природы. Мюнхен к тому располагал. «Мы, например, имеем возможность и купаться каждый день в очень хорошей купальне по сравнительно не очень дорогой цене, и гулять есть где, да и недалеко и за город выбраться, – писал Ленин матери в июле. – Движение уличное здесь несравненно меньше, чем в таком же большом русском городе: это потому, что электрические конки и велосипеды совершенно оттеснили на задний план извозчиков»²⁴⁰.

В сентябре – октябре супруги ездили в Цюрих на «Объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП. Собственно, речь шла о союзе «искровцев» с «Рабочим делом», из которого ничего не вышло. «Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал... Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан... Плеханов был весел и разговорчив. Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо»²⁴¹. Создали «Заграничную лигу» русской революционной социал-демократии. Из этого беспорядочного собрания Ульянов вынес убеждение в необходимости формирования дисциплинированной организации. Настоящей партии. Вернувшись из Цюриха, он дописал «Что делать?».

В ней он предложил: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!.. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должны быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров». Чуть позже он напишет: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации». Партия должна состоять из двух частей – узкого круга руководящих профессиональных революционеров, «людей, чья профессия состоит в революционной деятельности». Ибо «десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков». И из широкой сети периферийных парторганизаций, объединяющей членскую массу.

Социал-демократ должен был быть готов «на все, начиная от спасенья чести, престижа и пре-емственности партии в момент наибольшего революционного “угнетения” и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*». Конечная цель партии – свержение капитализма и утверждение социалистического строя. Ближайшая задача – свержение царизма и установление демократических порядков. «Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»²⁴².

Потресов возмущался, что «создается концепция, в которой на первое место выступает централизованная организация профессиональных революционеров в качестве носительницы социалистического начала, а рабочее движение само по себе представляется идущим в

направлении буржуазного развития»²⁴³. Но совершенно иной была реакция на «Что делать?» у работавшего в России революционного молодняка. Валентинов подтверждал: «Ленин воспевал “беззаветную решимость”, “энергию”, “смелость”, “инициативу”, “конспиративную ловкость” революционера и доказывал, что личность в революционном движении может творить “чудеса”... Она полыхала буйным волюнтаризмом (в ее основе, несомненно, лежало далеко отходящее от марксизма “героическое понимание истории”), и ее призывы “водить”, действовать, бороться, проникаться “беззаветной решительностью»” находили у нас самый пламенный отклик»²⁴⁴.

В декабре 1901 года вышедшие в «Заре» первые главы статьи «Аграрный вопрос и “критики Маркса”» были подписаны «Н. Ленин». Откуда этот псевдоним? Сам герой этой книги отказывался раскрыть тайну (и вообще-то псевдонимов у него за всю жизнь набралось больше полутора сотен). Может, от названия реки Лена – в пандан Плеханову, который был Волгиным. Так, по утверждению племянницы Ленина Ольги Дмитриевны, считали в семье Ульяновых²⁴⁵. А может, от имени реального Николая Ленина, паспортом которого Ульянов когда-то пользовался в конспиративных целях.

Как бы то ни было, появился Ленин. Вскоре появится и партия.

Глава 2

Орден меченосцев

*Партия и Ленин —
близнецы-братья —
Кто более
матери-истории ценен?*

Будет такая партия

На рубеже веков население Российской империи в массе своей оставалось политически индифферентным. Это категорически не устраивало лидеров плодившихся, как грибы после дождя, крошечных организаций, называвших себя партиями. Их генезис был весьма специфическим. На Западе консервативные партии имущей элиты возникали раньше других. У нас все было наоборот: первыми были радикальные левацкие группировки.

Другая специфическая черта: первые партии возникли не в столицах, а на национальной периферии. К рубежу столетий уже активно действовали польские, литовские, латышские, еврейские, армянские, украинские радикальные группы. Первой организацией в самой Велikorоссии, которая назвала себя партией, была «Народная воля». Социал-демократы, как мы знаем, заявили о себе в 1898 году. В 1902 году у РСДРП появятся новые конкуренты-союзники – социалисты-революционеры (эсеры).

Эсеры, борьбе с которыми (как, впрочем, и со всеми остальными) Ленин посвятит так много времени, объединили народнические группировки, переживавшие второе рождение на фоне протестного пробуждения деревни. Идеологом нового народничества выступил в первую очередь дворянин из Камышина Виктор Михайлович Чернов, попытавшийся выработать европеизированное социалистическое учение для страны с преимущественно крестьянским населением. Сформулировать программу коротко можно словами Чернова: «Бей чиновников царских, капиталистов и помещиков! Бей крепче и требуй – земли и воли!»²⁴⁶. Устав боевой организации (БО) партии предусматривал «борьбу с самодержавием путем террористических актов»²⁴⁷. БО, которой руководили Гершуни, Азеф и Савинков, впервые громко заявила о себе покушением на министра внутренних дел Сипягина в апреле 1902 года, и с тех пор волна эсеровского терроризма только набирала силу. Не случайно осведомителям за выданного боевика эсеров платили тысячу рублей, а за большевика – только трешку.

Ленин торопил создание полноценной партии эсдеков внутри России, ее идейное и организационное оформление. Он сообщал Плеханову 7 июля 1901 года: «Из России нам опять пишут, что собирается съезд Российской социал-демократической рабочей партии – в одном городе даже приглашение получено. Крайне важно поспешить с программой... Кроме Вас и П.Б. (Аксельрода. – В.Н.) ведь некому...» Первое обсуждение партийной программы, подготовленной Плехановым, состоялось на совещании редакции «Искры» в Мюнхене 21 января 1902 года. Ленин, как он это мог, подверг проект уничтожающей критике, хотя и не считал его безнадежным. Плеханов ответил критикой аграрной программы, вышедшей из-под пера Ленина. Тот обиделся и 14 мая писал старшему товарищу: «Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях с коллегами по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежи-

тельных выражений... Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения»²⁴⁸.

«Борьба приняла очень драматический характер. Посредниками выступали Засулич и Мартов: Засулич от Плеханова, Мартов от Ленина... Вера Ивановна, по ее собственному рассказу, говорила Ленину:

– Жорж (Плеханов) – борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы – бульдог: у вас мертвая хватка».

По словам Засулич, это сравнение Ленину очень понравилось»²⁴⁹.

Плеханов предпочел замирился. 23 июня Ленин писал: «Дорогой Г. В.! Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о “междоусобии”. Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные...»²⁵⁰. Но разрывов будет еще много.

Уютный и поначалу гостеприимный Мюнхен пришлось покинуть. Как объяснял участник «Заграничной лиги» и агент «Искры» Николай Леонидович Мещеряков, «искровцы» надеялись, что «этот небольшой городок на юге Германии не будет привлекать внимания, так как там русские никогда не создавали своих революционных организаций. Но было упущено из виду русское студенчество, которого в Мюнхене было очень много... За «искровцами» стали ходить студенческие хвосты... Заинтересовалась полиция. В результате пришлось бросить Мюнхен»²⁵¹.

Редакция переселялась в Лондон. Весной 1902 года, рассказывал бежавший туда из Сибири Николай Александрович Алексеев, «ВИ приехал в Лондон вместе с Надеждой Константиновной. Ю. О. Цедербаум приехал недели на две позже. Это было за несколько дней до убийства Балмашевым министра внутренних дел Сипягина.

– Чисто сделано, – сказал Владимир Ильич, когда, зайдя к нему однажды утром, я сообщил ему об этом событии...

Около недели с небольшим ВИ и НК прожили в одной из многочисленных в Лондоне “спальных комнат”, сдаваемых от себя небогатыми квартирохозяевами, затем нашли себе две комнаты без мебели, недалеко от станции городской железной дороги – Кингс-Кросс-Роуд. В этих двух комнатах... ВИ и НК прожили все время до переселения “Искры” в Швейцарию (весной 1903 г.)». Из редакции газеты в Лондон переехала еще только Засулич. «Плеханов и Потресов приезжали только на время. Аксельрод за лондонский период “Искры” не приезжал ни разу»²⁵².

С точки зрения конспирации, рассказывала Крупская, «устроились как нельзя лучше. Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали, можно было записаться под любой фамилией. Мы записались Рихтерами. Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами»²⁵³. Ленин сказал Алексееву, что «прочие искровцы будут жить коммуной, он же совершенно не способен жить в коммуне, не любит быть постоянно на людях»²⁵⁴.

В Англии было сложнее, чем в Германии, прежде всего из-за языка. «Когда приехали в Лондон, оказалось – ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает, – признавала Крупская. – Попадали мы вначале в прекомичные положения. ВИ это вначале забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усиленно изучать язык. Мы стали ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору... Потом ВИ раздобыл через объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался с ними. Изучил он язык довольно хорошо»²⁵⁵.

Встреч со звездами старой эмиграции, а их в Лондоне тогда было множество – Кропоткин, Чайковский, Волховский, Ротштейн и другие, – Ленин избегал. Зато встретился с посе-

тившим британскую столицу Павлом Николаевичем Милюковым, который желал повидать «искровцев». «Беседовали с ним главным образом Ю. О. Цедербаум и В. И. Засулич. ВИ при беседе не присутствовал, с ним Милюков виделся потом отдельно, – свидетельствовал Алексеев. – Милюков, отмечая огромную популярность марксизма, очень упрекал «искровцев» за полемику против террора после убийства Балмашевым Сипягина и уверял нас, что еще один-два удачных террористических акта – и мы получим конституцию...»²⁵⁶.

Выступал Ленин пару раз в Уайтчепеле, где регулярно собирались рабочие, в основном из числа еврейских эмигрантов из России. В Лондоне его заинтересовали также зоопарк и читальный зал Британского музея. Выезжали на Prime Rose Hill, откуда был виден «чуть не весь Лондон – задымленная громада» и откуда было недалеко до кладбища, где похоронен Карл Маркс. 27 ноября сообщал матери в Самару: «Погода стоит удивительно хорошая: в награду за мерзкое лето. И мы с Надей изъездили и исходили уже порядочное количество окрестностей, нашли и прехорошие места»²⁵⁷.

Тихо, незаметно Ленин завоевывал все больший авторитет среди эсдеков. Собравшийся в мае 1902 года в Белостоке неофициальный «съезд» представителей семи социал-демократических организаций, в основном эмигрантских, уже показал идейное доминирование «искровцев». Один из них, Федор Дан, напишет: «Таким образом, “Искра” одержала полную победу. Но в двойном дне чемоданов, с которыми нелегально приехал на Белостокскую конференцию “искровский” делегат (им был автор этих строк), были доставлены в Россию первые несколько десятков новой книги Ленина “Что делать?”. Идеи, развитые в этой книге, оказались динамитом, через какой-нибудь год с небольшим взорвавшим единство победителей»²⁵⁸. В Белостоке успели принять решение о создании оргкомитета по созыву съезда партии. Но и этот оргкомитет был арестован.

Ленин почувствовал, что наступало его время. Время замахнуться на руководство той партией, которую он описал в «Что делать?». Жесткой, дисциплинированной, революционной. Вырвать партию из рук мягкотелых коллег по «Искре». Ленин начинает работу по сколачиванию *своего* ЦК – через создание *своего* оргкомитета следующего партийного съезда. 6 мая он пишет своему главному кореннику в России – Кржижановскому: «Свидание с Сашей (так обзывали конференцию в Белостоке. – В.Н.)... привело к назначению комиссии по созыву съезда через пять месяцев. Теперь наша *главная* задача – подготовить это, т. е. чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов и постарались подорвать южный ЦК... Поэтому ближайшая задача: чтобы Курц + Эмбрион оба тотчас вошли в комитеты. Затем чтобы Клэр и Бродягин последовали в той или иной форме их примеру. Это – *главная* задача, ибо сейчас нас неизбежно отеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!.. Обдумайте атаку на центр, Иваново и др., Урал и Юг. Теперь формальная сторона приобретает сугубое значение». Под псевдонимами скрывались Ленгник (Курц), Барамзин (Эмбрион), Кржижановский (Клэр) и Сильвин (Бродягин).

Ленин 23 мая наставлял Ленгника: «Ваша задача теперь создать *из себя* комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив одного *со всех сторон* – это NB!), просунуть своих людей в наибольшее количество комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда... Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее. Мудры, аки змеи – и кротки (с комитетами: Бундом и Питером) – аки голуби»²⁵⁹.

С середины июня Ленин перебрался на северный берег Франции – в Логиви, где отдыхал вместе с супругой, тещей, матерью и сестрой Анной. «Море с его постоянным движением и безграничным простором он очень любил, у моря отдыхал»²⁶⁰. Правда, почему-то у моря бывал редко, явно предпочитая горы.

Он продолжал подвигать соратников на обеспечение доминирования на предстоявшем съезде. Послание Радченко 16 июня в Петербург: «Образовать русский ОК непременно должны

Вы и взять его в свои руки: Вы от Вани, Клэр от Сони, да + еще один из наших с юга – вот идеал». Ваней называли Петербургский комитет, а Соней – “искровский центр” в Самаре... «Объясняйте всем и везде, что это сплетня, будто редакция “Искры” хочет сама стать ЦК русской партии. Это вздор. ЦК может быть только на поле действия, и мы мечтаем, чтобы он вырос из ОК да из рабочих-революционеров». В Лондон из Франции в конце июля Ленин вернулся окрыленный. «Из России хорошие новости о повороте к “Искре” комитетов, даже *питерского* (sic!)»²⁶¹.

Однажды в октябре 1902 года в дверь трижды постучали. За дверью стоял человек, который, как он объяснит в мемуарах, бежал из сибирской ссылки и «оказался в Самаре, где был сосредоточен в то время внутренний, т. е. не эмигрантский штаб “Искры”. Во главе его под конспиративной кличкой Клэр стоял инженер Кржижановский... В Самаре я, так сказать, официально примкнул к организации “Искры” под данной мне Клэром конспиративной кличкой “Перо”: это была дань моим сибирским успехам журналиста... Клэр снабдил меня деньгами на дорогу и необходимыми указаниями для перехода австрийской границы у Каменец-Подольска». Из Цюриха через Париж «Перо» добрался до Лондона. «Ленин находился еще в постели, и на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением... В то же утро или на другой день я совершил с ВИ большую прогулку по Лондону»²⁶². Этот приезжий войдет в историю как Троцкий.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) родился в Херсонской губернии в семье зажиточного землевладельца. Закончил реальное училище в Николаеве, поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе, но так и не закончил его. Григорий Зив, знавший Бронштейна с младых ногтей, считал его ум выдающимся: «Обладая блестящей памятью, он умел на лету схватывать доводы сторонников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой “логики”».

Один из организаторов «Южно-русского рабочего союза», в 1898 году Троцкий был арестован, два года провел в тюрьмах, а затем был сослан в Восточную Сибирь. «“Искра” не могла пренебречь такой восходящей звездой, как Бронштейн. И он получил приглашение принять активное участие в газете. Бронштейн не заставил себя долго ждать. Он бросил крокет, жену и двух детей (второй только что родился) и бежал из ссылки, пробыв там около года»²⁶³. И вот он в Лондоне.

Ленин видел в Троцком свой важный актив в борьбе за руководство в партии. «ВИ приглядывался к нему, много расспрашивал его про впечатления от русской работы. Троцкого звали на работу в Россию, но ВИ считал, что ему надо остаться за границей, подучиться и помогать работе “Искры”. Троцкий поселился в Париже»²⁶⁴. Когда Ленин собрался обеспечить себе более крепкие позиции в ЦО партии, он предложил ввести седьмым членом редакции именно Троцкого, хотя и не был до конца в нем уверен. 2 марта 1903 года Ленин написал Плеханову: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед... Возможные доводы против: 1) молодость; 2) близкий (*может быть*) отъезд в Россию; 3) перо (без кавычек) со следами фельетонного стиля, с чрезмерной вычурностью и т. д.»²⁶⁵. Но инициатива Ленина не встретила понимания.

После года в Лондоне, где Ленину уже нравилось, пришлось вновь собирать вещи. Группа «Освобождение труда» поставила вопрос о переезде в Женеву. Один Ленин голосовал против, как и его организм. Крупская рассказывала, что он заболел тяжелой нервной болезнью «священный огонь», которая «заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов. Когда у ВИ появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи это – стригущий лишай. Тахтарев – медик не то четвертого, не то пятого курса

– подтвердил мои предположения, и я вымазала ВИ йодом, чем причинила ему мучительную боль... Дорогой в Женеву ВИ метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели».

В конце апреля Ленин с супругой поселились в женевском пригороде Secheron, где заняли целый небольшой дом. «Кухня была у нас и приемной... Игнат (Красиков) в шутку назвал как-то нашу кухню “притоном контрабандистов”. Толчая у нас сразу образовалась непротолченная. Когда надо было с кем потолковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера»²⁶⁶.

Одним из первых приехал тогда из России молодой Алексей Иванович Рыков (он же Власов, Сергеев). Человек, который сменит Ленина на посту председателя Совнаркома, в год своего тридцатилетия (в 1911-м) напишет: «Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет. Но из них я около 5 ½ лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни... Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев. Дожил до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру»²⁶⁷. А впереди у Рыкова будет еще несколько арестов и ссылок, откуда он регулярно сбегал. Ленин был рад новому соратнику. Но все внимание – предстоящему съезду.

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»²⁶⁸, – напишет Ленин. Он был прав в том, что именно тогда, на II съезде, заварилась та склока, которая годом позже приведет к расколу РСДРП, формированию большевизма и той партии, которая 14 лет спустя и возьмет власть в стране.

Ленин тщательно готовился к бою за захват командных позиций. «Съезжались первые делегаты съезда, и с ними шли непрерывные совещания, – расскажет Троцкий. – В этой подготовительной работе Ленину принадлежало бесспорное, хотя и не всегда заметное руководство»²⁶⁹. Съезд собрался 17 (30) июля в Брюсселе. Прибыли 43 делегата с решающим голосом (14 – с совещательным) от 26 организаций. Организационные усилия внутри страны не прошли даром. 33 делегата были «искровцами», из них 24 числили в твердых «искровцах», сторонниках Ленина.

Съезд открывал Плеханов. «Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова... И как могло быть иначе! Казалось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое... По существу дела II съезд был учредительным»²⁷⁰.

«Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть: *«Весело жить в такое время»*, – заявил Плеханов, назвав РСДРП самой сильной из революционных и оппозиционных партий в России»²⁷¹.

Место для заседаний было выбрано явно неудачно. В памяти Троцкого это историческое событие запечатлелось так: «В отведенном для наших работ складе, достаточно скрытом от посторонних глаз, хранились тюки с шерстью, и мы подверглись атаке несметного количества блох... Заседания представляли собою подлинную физическую пытку. Еще хуже было то, что уже в первые дни делегаты стали замечать за собой активную слежку»²⁷².

В таких условиях делегаты провели 13 заседаний, успев обсудить процедурные вопросы, степень автономности Бунда. Споры вокруг программы свелись, по сути, к одному пункту: может ли рабочий класс самостоятельно выработать классовое сознание или партии следует ему подсказать. В программе-максимум говорилось о социалистической революции и установлении диктатуры пролетариата. В программе-минимум – о свержении самодержавия, демократической республике, 8-часовом рабочем дне, возвращении крестьянам «отрезков» – участков,

перешедших помещикам после отмены крепостного права. Эта Программа оставалась в силе вплоть до VIII съезда, состоявшегося в 1919 году.

Между тем делегаты стали получать приглашения в полицейский участок, где им вручалось предписание покинуть пределы Бельгии в 24 часа. Российские спецслужбы были хорошо информированы о съезде доктором Житомирским, который участвовал в его организации из Берлина. 24 июля (6 августа) брюссельская часть съезда завершилась. Потянулись в Лондон, где полиции было все равно. Там прошли 23 завершающих заседания съезда. Как человек, прошедший значительную часть своей жизни в заседаниях, должен сказать, что так самозабвенно могли заседать только люди, которым совершенно нечего делать. Закладывались традиции многодневных ленинских съездов.

Руки дошли до устава. Споры развернулись прежде всего вокруг первого пункта: кого считать членом партии? «Ленин добивался резких и отчетливых границ партии, узкого состава редакции и суровой дисциплины. Мартов и его друзья тяготели к расплывчатости и семейным нравам»²⁷³.

«Наша задача, – уверял Ленин, – оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»²⁷⁴.

Ленин создавал «орден меченосцев», предназначенный для целей захвата власти силой. Мартов видел партию, претендующую на массовость. Троцкому «пришлось председательствовать на том собрании искровцев, где определился будущий раскол между большевиками и меньшевиками. Нервы у всех были напряжены до крайности. Ленин ушел с собрания, хлопнув дверью. Это единственный случай, когда он потерял на моих глазах самообладание в острой внутрипартийной борьбе...»²⁷⁵. Ленин выступал резко. И внешне был в восторге от хода съезда и его результата. Он вспоминал разговор на эту тему с делегатом «центра»:

«– Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде! – жаловался он мне. – Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!

– Какая прекрасная вещь – наш съезд! – отвечал я ему. – Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! – вот это я понимаю. Это – жизнь. Это не то что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»²⁷⁶.

Но, похоже, он бравировал своим боевым настроением. Крупская свидетельствовала: «С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности... В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно»²⁷⁷. Большинство в 28 голосов против 22 при одном воздержавшемся первый параграф устава был принят в редакции Мартова. Раскола еще нет. Уже после съезда Ленин скажет, что вовсе не считал «наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще не погибнем»²⁷⁸.

Съезд приближался к избранию руководящих органов. И тут Ленину повезло. Со съезда ушли делегаты от Бунда, недовольные отказом делегатов признать его единственным представителем еврейского пролетариата в России; а также два «экономиста», поскольку съезд не признал их заграничный союз. Теперь у Ленина большинство. В ЦК, где были представлены только работавшие в России, выбраны твердые искровцы – Кржижановский, Ленгник и Носков. Заметим, Ленгника и Кржижановского на съезде не было. Но перевес у ленинцев минимальный: из 44 решающих голосов 20 воздержались от голосования. По предложению Ленина в редакцию «Искры» 19 голосами против 17 избрали Ленина, Плеханова и Мартова. Но это значит, что ленинцы выбрасывали из редакции Аксельрода, Засулич и Потресова. Зачем Ленину это пона-

добилось? Он объяснит это Валентинову интересами дела: «Я просто исходил из необходимости составить редакцию из наиболее полезных и работоспособных литераторов... Собственно, в редактировании «Искры», в подборе, заказе статей и корреспонденции, в правке материала, в выпуске газеты, кроме меня и Мартова, никто никогда не принимал участия».

Коллеги восприняли ситуацию иначе, назвав Ленина (он сам воспроизвел слова) «хамом, Собакевичем, наступающим всем на мозоли, самодержцем, Бонапартом, бюрократом, человеком, желающим похорон старых товарищей»²⁷⁹. Мартов настаивал на сохранении прежней редакционной шестерки и взял самоотвод. «На съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно, одновременно он потерял Мартова, и навсегда, – подтверждал Троцкий. – Плеханов, по-видимому, что-то почувствовал на съезде. По крайней мере, он сказал тогда Аксельроду про Ленина:

– Из такого теста делаются Робеспьеры»²⁸⁰.

Раскол стал явным. Именно благодаря большинству, полученному при избрании руководящих органов на II съезде, сторонники Ленина получили название большевиков, или беков. А противники – меньшевиков, или меков. Назовись большевики меньшевиками, история могла пойти иначе.

Вспоминал участник съезда большевик Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам): «Мы оформляем нашу фракцию... Сам он, бодрый, решительный, смело смотрит в будущее. Его энтузиазмом заразился и Плеханов. Он блещет остроумием в характеристиках своих товарищей, очутившихся в лагере меньшевиков. Мы весело хохочем над анекдотами, которые рассказывает Плеханов про Засулич, Дейча, Аксельрода и Мартова. Веселей и заразительнее всех хохочет Ильич, потягивая любимое им мюнхенское пиво»²⁸¹.

Троцкий не без доли самокритики замечал, что прежнее партийное руководство явно недооценило Ленина: «Острота вспыхнувшего на съезде конфликта, помимо своей едва намечавшейся принципиальной стороны, имела причиной неправильность глазомера стариков в оценке роста и значения Ленина... Это был уже не просто выдающийся работник, это был вождь, насквозь целеустремленный и, думается, окончательно почувствовавший себя вождем, когда он стал бок о бок со старшими, с учителями, и убедился, что сильнее и нужнее их»²⁸².

А что же сам Троцкий? Он неожиданно оказался в лагере меньшевиков. И не потому, что был в чем-то сильно не согласен с Лениным. Зив считал: «Меньшевизм совершенно несовместим со всем характером Троцкого. Его место скорее было там, где находился Ленин... Но там первое место было занято самим Лениным... А Троцкий никогда не принадлежал к тем людям, которые могут занимать второе место или даже терпеть кого-либо рядом с собой»²⁸³.

Большевизм, представлявший собой систему взглядов Ленина, сложился в общих чертах из сочетания народничества, марксизма, французского якобинства, наложенных на российскую самодержавную политическую традицию. «Вера в духе Чернышевского и левых народо-вольцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию и неискоренимая, недоказуемая, глубокая, чисто религиозного характера уверенность, что он доживет до нее, – вот что отличало (и выделяло) Ленина от *всех* прочих (большевиков и меньшевиков) российских марксистов. В этом была его *оригинальность*»²⁸⁴, – писал хорошо знавший Ленина меньшевик Николай Валентинов (Николай Вольский).

Идеологически Ленин тогда разошелся со своими меньшевистскими коллегами по РСДРП по нескольким основным позициям. Во-первых, он полагал, что рабочий класс самостоятельно может выработать лишь тредюнионистское сознание, а революционные идеи способна привить ему только интеллигенция в лице революционной партии. Меньшевики исходили из тезиса о классовой самостоятельности пролетариата. Во-вторых, Ленин не видел возможности союза с либерально-демократическими силами в революции. Троцкий напишет:

«Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Ленин видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве»²⁸⁵. В-третьих, Ленин не возражал против революционного насилия. Конечно, он осуждал мелкомасштабный индивидуальный террор эсеров. Но, по его словам, «нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали подготовки таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»²⁸⁶. Меньшевики же отрицали террор как индивидуальный, так и массовый.

Наконец, Ленин считал необходимым строить партию как жестко законспирированную и дисциплинированную группу, объединенную верой в вождя и во имя захвата власти через вооруженное восстание. Большевизм выступал не столько в виде идеологии, сколько как верование, не допускающее сомнений и возражений, как в средневековых орденах. Николай Бердяев замечал: «Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности»²⁸⁷. Меньшевики, напротив, допускали плюрализм, у них существовало несколько течений, которые схематично выглядели следующим образом: Потресов олицетворял правый фланг, Троцкий – крайне левый. Лидером правого центра был Аксельрод, а левого центра – Мартов.

После съезда раскол пошел глубже, принимая все более бурные и brutальные формы. Все закусил удила, закрутили интриги. Ленин пережил нервный срыв. Троцкий подтверждал: «Ленин, наиболее активная фигура в борьбе, раскола не предвидел и не хотел. Обе стороны переживали разразившиеся события крайне тяжело. Ленин проболел после съезда несколько недель нервной болезнью»²⁸⁸.

Недавние коллеги и партнеры резко рвали отношения. Мартов, замечала Крупская, «выпустил брошюру “Осадное положение”, наполненную самыми дикими обвинениями. Троцкий также выпустил брошюру “Отчет сибирской делегации”, где события освещались совершенно в мартовском духе, Плеханов изображался пешкой в руках Ленина и т. д.»²⁸⁹. Потресов напишет: «1903 год положил конец моему личному общению с Лениным... Начало разрыву положено было именно аморальной атмосферой, в которой якобинско-сектантские мотивы Ленина носились еще в эмбриональном виде, но которая делала уже невозможной дальнейшую совместную работу с ним в одной организации»²⁹⁰.

Дразги дошли до Калмыковой в Дрезден, Ленин оправдывался: «Меньшинство искровцев мягкого или зигзагового курса разбило большинство (на вопросе об уставе, и не раз) коалицией Бунда + болота + южнорабоченцев. А когда Бунд и «Рабочее дело» ушли, большинство искряков взяли реванш. Voila tout. И ни один человек не сомневается в том, что, не уйди Бунд, Мартов разбил бы нас в центрах. И из такого финала вывести оскорбление, обиды, раскол партии! Это безумие». Полагаю, на Калмыкову, финансировавшую «Искру», ленинские аргументы не подействовали. Ленин в сентябре жаловался на меньшинство Кржижановскому: «... Озлоблены они чертовски, сфантазировали себе кучу обид и оскорблений, воображают, что спасают партию от тиранов, кричат об этом направо и налево, мутят людей. Их смута отняла уже у нас... два наших крупнейших источника денег. Направьте все отчаяннейшие усилия на добычу денег – это главное».

Ленин не оставлял попыток примирения и пытался полуоправдываться, полуизвиняться перед Потресовым, перебирая события и впечатления съезда: «...Я сознаю, что действовал в страшном раздражении, “бешено”, я охотно готов признать *перед кем угодно эту свою вину*, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства».

Меньшевики так не думали, развернув военные действия против ленинского руководства и в эмигрантских кругах, и внутри России. «Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет, – Ленин писал Кржижановскому и Носкову 3 октября. – Вы себе не реализуете и десятой доли тех безобразий, до которых дошли здесь мартовцы, отравив всю границу сплетней, перебивая связи, *деньги*, литературные материалы и проч. Война объявлена, и они... едут уже воевать в Россию. Надо непременно занять своими людьми места во *всех* комитетах без исключения»²⁹¹. Сдаваться, как видим, Ленин не собирался. Он требовал от своих ставленников в ЦК приехать в Женеву и навести порядок во внутрипартийных делах, разобравшись с оппонентами. Приехал Ленгник (Курц) и «почувствовал себя совершенно подавленным той склокой, которая царила в Женеве».

Меж тем меньшевики решили перехватить инициативу через Лигу русских социал-демократов за рубежом. Был созван ее съезд, куда пригласили с отчетным докладом делегата Лиги на II съезде, коим был Ленин. «ВИ перед съездом Лиги, задумавшись, наехал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз, – описывала драматизм ситуации Крупская. – Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги. С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики». Более того, меньшевики изменяют устав Лиги, делая ее независимой от российского ЦК. Ленгник требует восстановить прежний устав, но ему отказывают. Тогда он от имени ЦК и явно по наущению Ленина объявил Лигу распушенной²⁹².

И в этот момент Плеханов, не выдержав склоки, предпочел покинуть Ленина. Тот описывал ситуацию в письме Лядову: «Суббота. ЦК читает свое заявление о неутверждении устава Лиги и о незаконности собрания (заявление, раньше до тонкости, до буквы обсужденное с Плехановым). Все наши уходят со съезда при воплях мартовцев: “жандармы” etc. Суббота вечером. Плеханов “сдал”: он не идет на раскол. Он требует начала мирных переговоров. Воскресенье (1. XI). Я подаю Плеханову свою отставку письменно (не желая участвовать в таком разврате, как переделка партийного съезда под влиянием заграничного скандала; я уже не говорю о том, что и с чисто стратегической точки зрения нельзя было глупее выбрать момента для уступок)»²⁹³.

Теперь уже Ленин играет ва-банк, хлопнув дверью редколлегии «Искры». Позднее Ленин назовет Адоратскому свое решение покинуть редколлегию «Искры» ошибкой²⁹⁴. Вслед за этим Ленин говорит Плеханову: «Я глубоко убежден, что уступки в настоящий момент – самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо* *вернее*, чем война с мартовцами»²⁹⁵. Плеханов в ответ: «Не могу стрелять по своим»²⁹⁶.

Четвертого ноября Ленин взывает к Кржижановскому: «Плеханов жалко трусил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве... *Приезд необходим* во что бы то ни стало»²⁹⁷. Ленин продолжает обрабатывать Плеханова, но тот неумолим. 8 ноября Ленин пишет Кржижановскому в Киев: «Кризис полный и страшный... Я борюсь за ЦК, который мартовцы, обнаглев против трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих и не говоря даже, в каком числе!! Единственный шанс мира: попытаться отдать им редакцию ЦО и отстоять за собой ЦК». Ленин настаивал на приезде наиболее авторитетных членов ЦК – Кржижановского, Носкова, Гусарова²⁹⁸.

Однако и надеждам Ленина на то, чтобы сохранить за собой хотя бы ЦК, не суждено было сбыться. Он потеряет и его, не в последнюю очередь из-за позиции Кржижановского. Тот позднее расскажет: «В Женеве я очутился в настоящем кипящем котле эмигрантской склоки. Встречаясь со своими старыми друзьями, я не узнавал их при том градусе взаимного озлобления, до которого они дошли. Большинство жал этого муравейника было направлено против ВИ, деспотизм и нетерпимость которого склонялись во всех падежах»²⁹⁹. Помощи от Кржижановского Ленин не дождался. «Приехал Клэр, – рассказала Крупская. – Пошел говорить с

Плехановым, увидел полную невозможность примирения и уехал в подавленном настроении. ВИ еще больше помрачнел»³⁰⁰.

По возвращении из-за границы Кржижановский инициировал письмо ЦК региональным комитетам в примиренческом духе. Ленин был в ярости: «Пусть объяснит он мне, ради всего святого, откуда взял он храбрость говорить в таком елейном тоне о мире, когда оппозиция (и Мартов в том числе!) *формально отвергла мир* в ответе на ультиматум Центрального Комитета?» В Кржижановском Ленин быстро разочаровывался. «Одно из двух: война или мир, – писал он ему 4 января 1904 года. – Если мир, – тогда вы, значит, пасуете пред мартовцами, которые ведут энергичную и ловкую войну. Тогда вы сноситесь молча обливание помоями вас в ЦО (= идейное руководство партией!). Тогда нам говорить не о чем»³⁰¹. Кржижановский был за мир, как и Носков. Ленин опять потерял ближайших сторонников.

Он был раздавлен. «Он был как бы свержен, потерял силу, остался не у дел. Все именитые верхи партии в Женеве были меньшевики. Около него – лишь небольшой кружок подерживающих его лиц», – писал влившийся тогда в этот кружок Валентинов. Близкими к Ленину в тот момент он называл Петра Ананьевича Красикова (Сергей Петрович, Игнат, Павлович, Музыкант, Шпилька, будущий прокурор Верховного суда СССР), Вацлава Вацловича Воровского (будущий постпред в Скандинавии и Италии), Сергея Ивановича Гусева (Драбкин – будущий член Реввоенсовета, заведомо сталинского ЦК). Ленин сделал штаб-квартирой ресторан «Ландольт», где и собирал своих сторонников. Гусев, обладатель драматического баритона, «постоянно пел на раутах, еженедельно проходивших у Ленина с целью укрепления связи между большевиками Женевы»³⁰². Туда же Цецилия Самойловна Бобровская (Зеликсон) привела к Ленину новых сторонников – участников смелого и шумевшего побега из киевской тюрьмы Николая Эрнестовича Баумана (Грач, Сорокин, Балерина) и Максима Максимовича Литвинова (Генох Моисеевич Валлах, Папаша, Феликс).

Новый, 1904 год большевики отметили культмассовым походом на «Кармен», выпивкой в «Ландольте» и гулянием на традиционном новогоднем «карнавале»³⁰³.

Год начался войной. Не объявляя ее, Япония в январе 1904 года атаковала российскую крепость в Порт-Артуре и находившиеся в его порту корабли. Был потоплен не сдавший врагу и не желавший пощады крейсер «Варяг». 24 февраля началась 11-месячная осада Порт-Артура. В России в первые месяцы войны доминировали патриотические настроения. Либеральные земцы решили подождать с борьбой за демократию до конца боевых действий. Ленинцы войну поначалу почти не заметили. Они были заняты более важными делами, продолжая разбираться с меньшевиками.

В январе 1904 года конфликт в РСДРП принял новое измерение – идеологическое, и инициатором этого выступили меньшевики. Ленин их усилиями стал звездой, пусть и со знаком минус, а оскорбления в его адрес как бы подтверждали правильность его слов о том, что в основе разногласий не принципы, а уязвленное самолюбие «партийных генералов». Поэтому Аксельрод взялся серией статей в «Искре» доказать теоретическую ничтожность Ленина. Уже вторая статья – от 15 января – «обозлила Ильича до того, что он стал похож на тигра». Аксельрод обвинил его в принесении марксизма в жертву «организационной утопии теократического характера», установке на сектантский «якобинский клуб», который будет прокладывать путь мелкобуржуазному радикализму. Начинание Аксельрода поддержал и Мартов.

Ленин сел за отповедь, чему посвятит следующие три месяца жизни. В процессе творчества Ленин не выбирал эпитетов в адрес оппонентов, называя их «тупоумными», «выжившими из ума», «политическим дрррянцом», «болотом», «дурачками», «организационными хвостистами» и т. д. Меньшинство, приходил он теперь к выводу, – не просто «обидевшиеся генералы», а оппортунистическое и ревизионистское крыло партии под руководством зараженных

буржуазным духом, ненавидящих пролетарскую дисциплину интеллигентов, готовых принести в жертву ортодоксальный марксизм. А якобинство?

«Революционный социал-демократ должен быть и не может не быть якобинцем, – уверял Ленин. – ...В партии находятся не просто путаники, истерики и болтуны, а определенно – правое, ревизионистское крыло, под флагом борьбы с «бонапартизмом» сознательно разлагающее, парализующее всю партийную работу... Нужно прямо, решительно сказать: с этими господами мы в одной партии находиться больше не можем. Нам они не товарищи, а враги... Нужно, возможно скорее, из представителей большинства созвать съезд, который, объявляя об образовании партии непреклонного революционного марксизма, порвет всякую связь с меньшинством... «Искра» стала загаженным ночным горшком, и пусть другие возлагают его на себя как лавровый венок»³⁰⁴.

В конце января – попытка примирения сторон. Совет партии, где Ленин оставался, трижды заседал все в том же «Ландольте». Мартов, Аксельрод и Плеханов провалили попытки Ленина и Ленгника сохранить за большевиками контроль над ЦК. «Плеханов идет вместе с мартовцами, майоризируя нас во всем, сколько-нибудь важном... Зато принята резолюция Плеханова: желательно, чтобы ЦК кооптировал *соответственное* (sic!) число из меньшинства... Мы заявляем, что единственный *честный* выход – съезд. Совет проваливает это»³⁰⁵, – информировал Ленин соратников. Его ярость нарастает. «Отношение Ленина к меньшевикам превратилось в жгучую безграничную дикую ненависть»³⁰⁶, – замечал Валентинов.

Одновременно в феврале он уже бросает членам ЦК в лицо: «Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: “бесполезно бороться!”... Либо ЦК станет организацией *войны с ЦО*, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК – негодная тряпка, которую поделом выкинут вон». Кржижановский и Носков своей позиции не меняют – единство партии превыше всего. 13 марта Ленин и Ленгник информировали ЦК РСДРП: «1) Курц и Ленин слагают с себя *временно* должность членов Совета (оставаясь членами ЦК) впредь до выяснения характера наших разногласий с большинством Центрального Комитета... Ленин берет формальный и полный отпуск не менее чем на два месяца»³⁰⁷.

Где-то в это время – уже известной либералкой – оказалась в Женеве Тыркова-Вильямс. Она обратила внимание на грязь в маленькой съемной квартире «Ильичей»: «Потребностей в комфорте, очевидно, никаких. У него, может быть, и есть, у нее, наверное, нет. Все ушло в мысли и в борьбу. Живут, несомненно, хуже западного рабочего и вряд ли многим лучше русского»³⁰⁸. Ленин «подвергался жестокому обстрелу своих вчерашних товарищей, меньшевиков. Они надрывались, доказывая, что Ленин на съезде сплутовал, что на самом деле не он, а они в большинстве. Эта семейная полемика волновала социалистов, забавляла либералов, вызывала длинные рассуждения за чайным столом Струве... Уже тогда в революционных кругах знали, что Ленин властолюбив, в средствах неразборчив. Но особенного интереса ни он, ни его партия не возбуждали. С.-р., особенно после убийства Плеве, заставляли гораздо больше о себе говорить, чем с.-д. ...С.-д. были скучными начетчиками».

Крупская попросила супруга проводить ее подругу до трамвая. «Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму. Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуска, тем более что мои слова его задевали, злили... В глазах замелькало острое, недоброе выражение... А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

– Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.

– Нет. Я вам в руки не дамся.

– Это мы посмотрим»³⁰⁹.

Ленин писал «Шаг вперед, два шага назад», где излагал историю II съезда и разлада с меньшевиками. Валентинов наблюдал: «В течение трех месяцев, понадобившихся ему для написания книги, с ним произошла разительная перемена: крепко сложенный, полный энергии, жизненного задора, Ленин осунулся, похудел, пожелтел, глаза, живые, хитрые, насмешливые, стали тусклыми, моментами мертвыми... У него был вид тяжело больного человека».

По мере того как труд двигался к завершению, боевой запал Ленина постепенно иссякал, «он свое требование порвать всякую партийную связь с меньшевиками смял заявлением, что об этом не может быть и речи...»³¹⁰. Сыграли, полагаю, свою роль и опасения Ленина пускаться в одиночное плавание, и возражения руководства ЦК в России против разрыва. Как бы то ни было, наиболее хлесткие эпитеты из текста исчезли. Но и то, что осталось, не могло не задеть меньшевиков за живое.

Партия может руководить борьбой рабочего класса, только если ее члены будут организованы в один отряд, спаянный единством воли, действий и дисциплины. «Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации». В отличие от гнилой интеллигенции «пролетариат не боится организации и дисциплины... Пролетариат не станет пещись о том, что гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации...» Потому что «у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»³¹¹.

Книга, как и ожидалось, «вызвала буквально бурю возмущения среди меньшевиков Женевы». Артиллерийский огонь по Ленину открыл Плеханов, назвавший линию Ленина «политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шее партии». Карпинский утверждал, что «Плеханов через третьих лиц “дружески” советовал Ленину “бежать от сраму в Америку”»³¹². «Искра» объявила Ленина политическим мертвецом. Тот организовал коллективное письмо 37 большевиков в свою защиту. Но оно ничего равным счетом не изменило.

Ленин терял и без того очень слабые позиции в международном социалистическом движении. Его полностью отстранили от организации делегации на Амстердамский интернациональный конгресс. «Дан написал официальный отчет, – рассказывал Лядов. – Ленин изображался чуть ли не анархистом... Мы долго убеждали Ильича, что ему лично необходимо поехать в Амстердам. Ильич отказался ехать наотрез. Он говорил, его не знают там, ему трудно будет бороться там с Плехановым и Аксельродом, которых все знают по прежним конгрессам».

Это был период жесточайшего жизненного кризиса Ленина. Было от чего прийти в отчаяние. В июне Ленин отбыл из ставшей политически раскаленной Женевы. Лядов «застал Ильича отдыхающим в маленькой деревне возле Лозанны. Единственный раз за все встречи с Лениным он произвел впечатление человека, который не знает, на что решиться. Ильич засел прочно в деревне и как бы устранился от всяких дел. Измена цекистов, ради примирения с меньшевиками отрекшихся от него, произвела на Ильича глубокое впечатление. Он почувствовал себя одиноким. У него не было ни газеты, в которой он мог бы писать, ни средств для постановки издательского дела»³¹³.

Крупская писала свекрови 2 июля: «Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем – Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пойдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну... Мы с Володей заключили условие – ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать». Ленин в письме матери тоже старался не унывать. «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем (Ленгником. – В.Н.)

прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) – роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек»³¹⁴.

Но, конечно, мысль Ленина была занята не красотами Альп, а планом возвращения на политическую сцену. Здесь, в горах, Ленин не только собрал свою волю в кулак, но и вновь начал борьбу за партию, с новой командой, демонстрируя недюжинные лидерские качества. О коих пришло время поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.